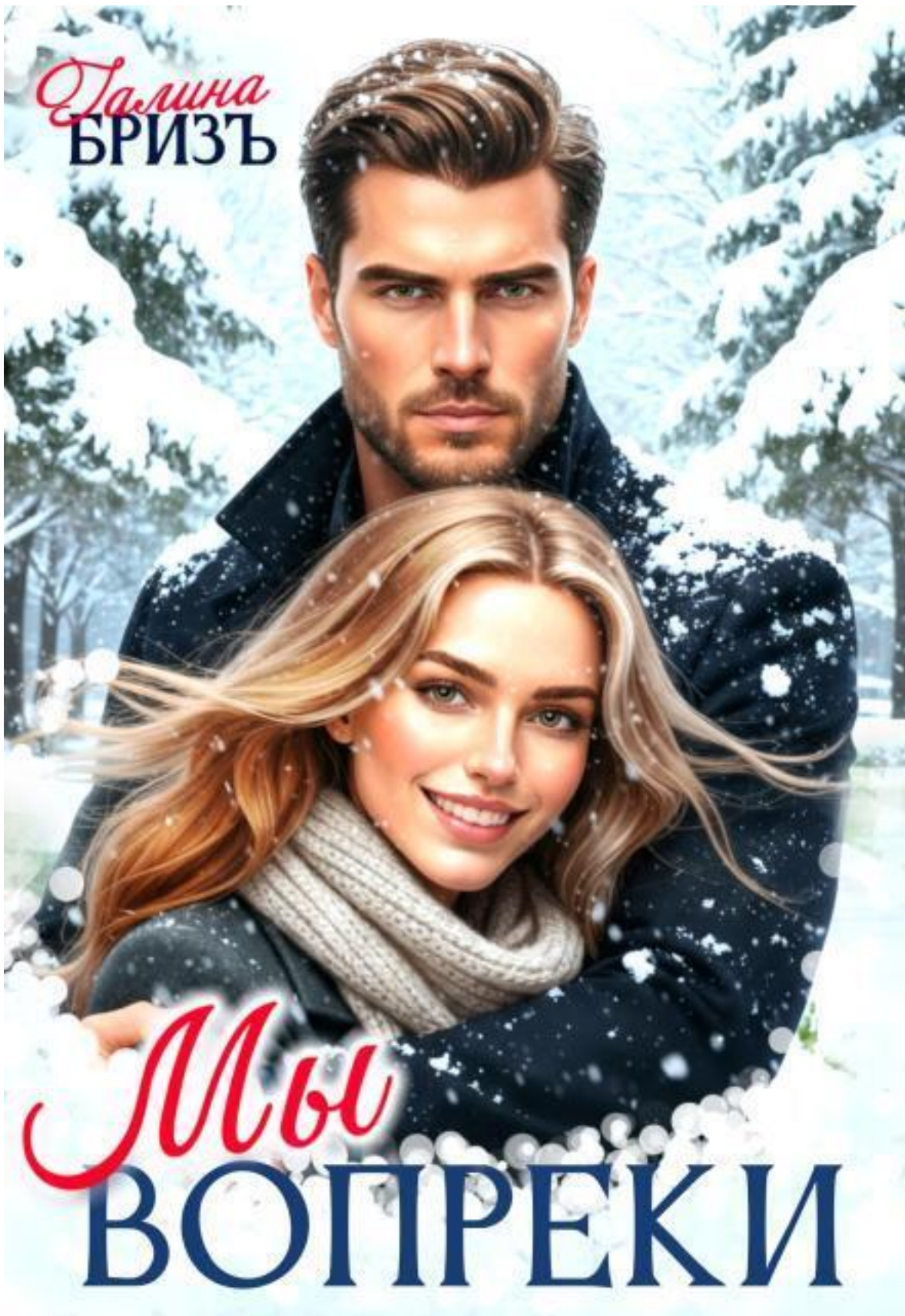

A romantic couple is featured in a snowy forest setting. The man, with dark hair and a beard, wears a dark coat and looks directly at the camera. The woman, with long blonde hair, wears a grey scarf and smiles warmly. Snowflakes are falling around them, and snow-covered trees are in the background.

Галина
БРИЗЪ

Мы
ВОПРЕКИ

Галина БризЪ

Мы вопреки

«Литнет»

2025

БризЪ Г.

Мы вопреки / Г. БризЪ — «Литнет», 2025

Всем было удобно, когда она покинула отчий дом, чтобы ухаживать за беспомощной старушкой. Но как же трудно в одночасье стать взрослой и самостоятельной, оказаться вырванной из родного гнезда. Как же вовремя появился ОН — зрелый, сильный, надёжный. Тот, кто сможет защитить и решить любые проблемы. Такой никогда не предаст. И именно в нём её счастье.... Внезапно он отрёкся от неё. Что привело к предательству?***— Алло! Привет! Разве ты уже вернулся?— Вернулся, — сухо, после заминки.— Но где ты?— Дома.— Дома? — удивлённо. — Хм... Там, в своём городе?— Да.— Когда в Москву приедешь?— Интересно, что я там забыл?— Меня... — растерянно улыбнулась. Он, раздражённо:— Маша, я не понимаю, что ты от меня хочешь?— Шутишь? — с надеждой.— Ты что-то хотела? Говори. У меня нет времени.— Так ты не приедешь? — упавшим голосом, уже всё поняв.— Не приеду. Всё, пока...*** Обязательный ХЭ. Местами больно и грязно.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Общага	6
Глава 2. Новость	8
Глава 3. В столице	10
Глава 4. Сепарация	13
Глава 5. Втянулась	16
Глава 6. Схватка	19
Глава 7. Спасение	21
Глава 8. Шантаж	23
Глава 9. Визит	25
Глава 10. Дима	28
Глава 11. Покушение	30
Глава 12. Гость	33
Глава 13. Марк	35
Глава 14. Знакомство	37
Глава 15. Утро	39
Глава 16. Убедила	41
Глава 17. Доброжелатель	43
Глава 18. Подслушала	45
Глава 19. Подруги	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пролог

Соединение пошло...

Сигнал, на который никто не отвечал, опять скулил и скулил, заунывно въедался в мозг, наполнял тревогой до дрожи и остывания пальцев.

За окном перемигивались яркие гирлянды праздничной подцветки. Весёлые огоньки на крыше высотного здания бежали по контуру саней Деда Мороза и взрывались в ликующее «С Новым годом!».

И вдруг!

Голос – недовольный, хриплый, но единственно нужный из миллиардов на планете, прервал нытьё мобильного:

– Алло...

Она обрадованно:

– Привет! Ты где?

– Дома.

– Дома? Ты уже вернулся?

Сухо, после заминки:

– Вернулся.

– А... Так ты в своём городе? – догадалась.

– Да.

– А когда в Москву приедешь?

– Интересно, что я там забыл? – с непонятной иронией изрёк мужской голос.

– Э-э... Меня... – растерянno улыбнулась.

Он, раздражённо:

– Маша, я не понимаю, что ты от меня хочешь?

– Шutiшь? – с надеждой.

– Что тебе надо? Говори. У меня нет времени.

– Так ты не приедешь? – упавшим голосом, уже всё поняв.

– Не приеду. Всё, пока...

– Подожди... Почему ты так? Что случилось?

– Ха! До чего ты забавная. Ничего нового. Ещё что-то хочешь сказать?

– Да... Я... Я... – решилась, ибо хоть и чувствовала – это конец, продолжала верить: произошло какое-то недоразумение, сейчас всё образумится. – Я беременна.

Смешок:

– Поздравляю. Только зачем мне эти сведения? – надменным и пугающе чужим тоном.

– Ты... не рад?

– Издеваешься? – со злостью. И откровенно взрываясь: – Считаешь, я способен этому радоваться? Маш, не звони мне больше. Удали мой номер. Переношу тебя в чёрный список. Прощай!

Глава 1. Общага

– Ма-а-аш! Давай скорей, душ освободился. Пашка заскочил внутрь, держит для тебя. А то Муха уже порывается зайти.

Запыхавшийся Сашка ворвался в комнату и, сдвинув брови, нетерпеливо прыгал, перетапывался, наблюдая за сестрой, готовый подгонять её ещё активней.

Не потребовалось.

Её скорости можно было позавидовать. Маша резко захлопнула крышку ноутбука, одним движением нанизала на ладонь пакет с чистым бельём и полотенцем, кончиками пальцев этой же руки подцепила пластиковое ведёрко – там громыхал стандартный комплект для мытья: шампунь, бальзам, мочалка и прочие мелочи.

Отчаянно хромая и злясь на некстати занемевшую ногу – отсидела, привычно подвернув её под себя во время работы, помчалась в душ.

Скорей! Каждая секунда на счету.

Братик прав. Муха – это серьёзно. Если соседка, к которой с незапамятных времён прилипло чудное, но меткое прозвище, опередит, то кабинка освободится не раньше, чем через час, а то и полтора!

С сей занозистой особой бесполезно спорить, вызывать к совести, колотить в дверь, напоминать о правилах совместного проживания и доказывать: нельзя надолго занимать места общего пользования. Не только её наглое величество, но и остальные жильцы общежития коридорного типа желают ополоснуться.

Спасало, что хотя бы умывальная комната аж с пятью раковинами оставалась доступной. Иначе – полный швах.

Конечно, в крайнем случае можно проникнуть в душ на другой половине здания, втихушку выпросить ключ у сердобольных соседей. Но это чревато ворчанием, косыми взглядами остальных или даже скандалом. Кто-нибудь из принципиальных мог заметить чужака и справедливо возмутиться – ваша сторона оборудована собственным санузелом!

На этаже двадцать шесть комнат, территория сто лет как поделена пополам. Жильцы должны пользоваться кухней, душем и туалетом, расположенными в своём крыле.

Та самая соседка – Муха, зажав под мышкой пакет с мыльно-рыльными принадлежностями, воинственно размахивала свободной рукой, маршируя туда же, куда торопилась Маша. Женщина явно намеревалась турнуть пацанов, мотивируя атаку тем, что братья до сих пор не приступили к водным процедурам и ей не давали.

На свою удачу, несмотря на затёкшую ногу, Маша вырвалась вперёд и, под гневно сверкнувший взгляд Мухи, пулей влетела в предусмотрительно распахнутую братьями дверь. Лихо подмигнула сообщникам и проворно щёлкнула замком изнутри, оставив Пашку и Сашку наедине с возмущённой гримзой.

– Бу-бу-бу-бу! – донеслось снаружи.

Соседка громко отчитывала близнецов. Голосов мальчишек не было слышно, скорее всего, они помалкивали, переглядывались и незаметно хихикали, радуясь успеху своего плана.

Знали: спорить с не вполне адекватной женщиной – себе дороже. Но одновременно неприлично повернуться спиной и уйти, когда с тобой разговаривает взрослый человек. Они воспитанные дети, поэтому стояли и терпели.

Однако долго слушать пустые разглагольствования тоже нельзя. Убедившись, что сестра закрылась и уже включила воду, братья улизнули в комнату.

Всё стихло, только тёплые струи из ржавой лейки журчали в крошечном помещении и расслабляюще ласкали кожу.

Эх... Малосемейная общага.

Многие застряли здесь надолго, большинство – навсегда.

Комната восемнадцать квадратов, кухня в конце коридора с двумя газовыми плитами – общая на всех.

И вся жизнь на виду – соседи, друзья, враги, рождение детей, дружба, ссоры, гости, любовь, праздники, беды – ничего не скрыть.

Повезло тем, кто в своё время всеми правдами и неправдами умудрился выбить у государства две комнаты. Обычно потом их объединяли, незаконно прорубив в стене проход. Тогда жили в относительном комфорте.

Так, как Машина семья: в одной – родители, а в другой – Маша с братьями-близнецами.

Площадь второй комнаты чаще всего разделяли каким-нибудь шкафом, гипсокартонном, на худой конец – занавеской.

Вот и у них: большую часть второго помещения заняли мальчишки, а ту, что поменьше – Маша. По-семейному удобно и справедливо. Пашка и Сашка – четвероклассники, у них свои школярские интересы, а сестра взрослая, в этом году диплом получила и уже работала.

Правда, через интернет. На удалёнке. И её трудовые потуги родными всерьёз не воспринимались. Дома ведь сидит...

– Наконец-то, – буркнула Муха, ловко спрыгивая с подоконника, сразу, как только Маша вышла из душа.

Пф-ф... Мария округлила глаза: вот ведь упёртая особа, так и сидела, дожидаясь очереди! Спасибо и на том, что не начала барабанить в дверь, ругаться и подгонять.

Соседка, сердито вскинув подбородок, осмотрела освобождённый санузел, ища к чему бы придраться. Не найдя ничего, брезгливо передёрнула плечами и скрылась в кабинке.

«Скандалистка. Сколько ей лет? Около сорока, не больше, это точно. Одинокая, поэтому такая злая. Или одинокая из-за того, что злая?» – Маша покосилась на захлопнувшуюся с грохотом дверь и потопала в комнату.

Глава 2. Новость

– Наконец-то! – повторили дома слова, которыми встретила её соседка.

– Вы с Мухой сговорились, что ли? – Маша удивлённо взглянула на часы. – Я и мылась-то всего ничего. Даже двадцать минут ещё не прошло.

Сосредоточилась на распутывании полотенца, которое замотала вокруг головы, и не сразу обратила внимание, что члены семейства непривычно собрались в родительской комнате и выжидательно наблюдали за каждым её движением. Словно зрители в зале.

Что-то не так?

На всякий случай окинула непонимающим взглядом свою фигуру в зеркале. Вроде всё нормально: халат надет не на левую сторону, застёгнут. Ничего не высовывается, к носу и лбу не прилипло. Хвост с рогами не вырос, русалкой не стала. Ха-ха...

– Вы чего? – прибрала на место ведёрко с принадлежностями для душа и озадаченно замерла, надеясь расшифровать причину необычного поведения домочадцев. – Что-то случилось?

Предки безмолвно переглянулись и снова загадочно уставились на неё.

Близнецов явно распирала едва сдерживаемая ими информация. Те и улыбались по-особенному – с каким-то мечтательным воодушевлением. Дай им волю, они давно бы выпалили всё, но пока могли только нетерпеливо грызть губы, косясь на отца и мать. А на лицах тех застыла тревога, тоже перемешанная с волнением и радостью.

– Машенька... – неуверенно начала мама и застопорилась. Ещё раз взглянула на мужа, получив одобрителный кивок, продолжила: – Позвонили родственники твоего родного папы...

– Родного? – переспросила Маша.

Она почти забыла, что у неё с братьями разные отцы. Её погиб в аварии через полгода после рождения дочери.

– Да, – качнула головой родительница. – Из Москвы.

– Ого! А они в Москве живут?

– В Москве. Тётя твоего папы – Серафима Андреевна. Правда, сейчас звонила не она, а племянница её мужа. Жанна.

– Серафима Андреевна, – задумчиво повторила Маша. – Красивое имя.

– Красивое, – вскользя согласилась мама. – Она заболела, слегла. Деменция.

– Пожилая, видимо?

– Почти девяносто. Так вот, эта Жанна... – родительница огорчённо вздохнула, видимо, вспомнив диалог. Поморщилась. – Какая-то она слишком грубая, беспардонная. И голос громкий, неприятный.

Мама замолчала, суетливо разглаживая складки на подоле. Виновато взглянула на дочь.

– В общем, она требует, чтобы ты приехала и ухаживала за Серафимой Андреевной, – выдала одним духом.

– Ничего себе! – возмутилась Маша, чувствуя, как щёки мгновенно залились краской. Язвительно хмыкнула: – С какого перепуга? Здравствуйте, я ваша тётя, через двадцать лет очнулись. Ага, а я сейчас всё брошу и примчусь по первому свисту. Знать их никого не знаю.

– Да... Но ты для Серафимы – внучатая племянница. Единственная родственница по крови. Дело в том, Машуль... – мама стыдливо закусил губу. – Она завещала тебе свою квартиру. Из-за этого весь сыр-бор и начался. Жанна рассчитывала, что бабушка оставит наследство ей. Но когда Серафима слегла, эта особа полезла в её документы и увидела, что всё давным-давно оформлено на Марию Сергеевну Самсонову – на тебя. Естественно, Жанна взбесилась. Нашла мой телефон, позвонила полчаса назад. Орёт, как ошпаренная: раз так, говорит,

пусть эта Мария Сергеевна приезжает и досматривает Серафиму, а она умывает руки и отказывается ухаживать.

– Ма-а-ам... Это ведь несерьёзно, да? – опешила Маша. – Я же не сиделка, ничего не умею. Чтобы ухаживать за больным человеком, надо специальное образование. Тем более она лежащая, значит, и ходит под себя. Фу-у... Памперсы менять, пелёнки. Мыть её, ворочать, смазывать. Не-не-не. Я не смогу. Меня уже тошнит. И не хочу переезжать в чужой город, я там ни разу не была и никого не знаю. А, мам? – захныкала: – Пусть они себе забирают это наследство...

– Что ты мелешь? – дружно вздыбились родители.

Сердито заговорили, перебивая друг друга:

– Хочешь всю жизнь, как мы, в этой общаге мучиться? Думаешь, так просто на собственное жильё заработать? Мы с отцом вдвоём пашем, а всё равно не можем накопить. На крайний случай, если не понравится в Москве, то продашь ту квартиру и купишь здесь что-то хорошее. А коли тебе ничего не надо, подумай хотя бы о братьях. Живём в тесноте впятером. И складывается всё удачно: институт уже закончила, о работе можно не беспокоиться, её менять не надо, трудись из любой точки мира. Ляпнула ведь – чужим людям квартиру отдать, будто во дворце живём!

Гнев мамы и отчима был вполне обоснованным и понятным.

– Мы к тебе в гости приедем на каникулы, – радостно вернули своё слово близнецы.

– Стоп! Какие ещё гости! – прикрикнул на сыновей их отец. – Пусть Маша сначала обживётся. Ей и так будет нелегко с больным человеком. Не отойти никуда надолго. А ответственность какая! Не хватало только ещё с вами, шалопаями, нянчиться.

Братья разом сникли, виновато зыркнули на сестру, погрустнели, встретив её растерянный взгляд. Похоже, мальчишки успели нафантазировать себе путешествие с кучей приключений.

Маша вздохнула.

Первый шок и совершенно ребячливое возмущение от внезапно свалившейся новости улеглись. Рассудок включился.

Она начала потихоньку обдумывать и примерять ситуацию с положительной стороны.

Лицо посветлело: и правда, что это с ней? Впереди шикарные перспективы! Вот дурёха: кому скажи – не поверят – в двадцать один год боится оторваться от родителей, и из-за этого отказалась от переезда в столицу. В отдельную благоустроенную квартиру. Почти что в собственную!

Надо радоваться и прыгать от счастья. Ура!

Маша Самсонова

Глава 3. В столице

– Ты Мария Самсонова? Паспорт покажи, – сверля её пренебрежительным взглядом, потребовала женщина, распахнувшая дверь.

Кажется, она была разочарована внешним видом девушки.

– А вы Жанна? – с вызовом вскинув подбородок, в свою очередь уточнила гостя.

Крепче сжала лямки дамского рюкзака, с ловкостью акробата одной ногой подпёрла чемодан – этот пузатый предмет всю дорогу заваливался набок.

Не стушеввалась. Внешне осталась невозмутимой, терпеливо выдержала как надменный осмотр, так и хамоватое обращение новоявленной родственницы. Хотя внутри всё сжалось от её неприветливости.

Жизнь в общаге учит многим премудростям. В частности, не прогибаться и не позволять видеть в себе жертву. Иначе хищники сожрут.

Дама насмешливо зыркнула огромными, слегка навывкате глазами и высокомерно дёрнула головой, подтверждая: да, она Жанна.

Мария хотела было из принципа тоже потребовать документ, но одумалась. Не стоит нагнетать, и так понятно, что к ней уже испытывают антипатию.

Протянула паспорт.

Женщина уткнулась в книжицу. Неторопливо разглядела фотографию, слегка поцарапала её ногтем – не поддельная? Посмотрела на просвет, придирчиво сравнила с оригиналом, неловко переминающимся на пороге квартиры.

– На снимке старше выглядишь, – хмуро заметила она. Цокнула с неприкрытым раздражением: – Недокармливали тебя, что ли? Гос-с-споди, и как ты при такой-то хилой комплекции собираешься справляться с Серафимой?

Ясно, что это был вопрос в никуда, намеренное размышление вслух, как способ уязвить нежеланную наследницу.

Маша фыркнула, молча пожала плечами. Какая уж есть... Дубликат не сделали.

Хозяйка шумно вздохнула, посторонилась:

– Заходи.

Значит, сия мадам, с которой они по степени родства седьмая вода на киселе, думала, что Мария Самсонова выглядит иначе. Поди, ожидала увидеть бодибилдершу?

А вот Маша именно так и представляла эту Жанну: рослой, энергичной тёткой за пятьдесят. С сильными, резкими жестами, по-базарному нахрапистой.

Теперь сложившийся в голове образ лишь дополнился кое-какими оригинальными штрихами, которые только усилили прежнее мнение.

Например, сразу бросились в глаза массивные серьги, тяжело оттягивающие мочки, глубокие носогубные складки и короткая стрижка на платиновых волосах. Интересно, седина естественная?

– Чемодан разверни другой стороной, наклони и ближе к стенке придвинь. Курточку на крючок повесь, обувь оставь на коврик. Туалет, ванна направо. Руки помой и проходи на кухню. Она дальше по коридору, – властным тоном распорядилась хозяйка.

Маша подчинилась.

– Дима! – требовательно крикнула Жанна куда-то в глубину квартиры, когда гостя прошла на кухню. – Иди сюда.

Донеслось недовольное бурчание. Похоже, невидимый Дима не спешил выполнить команду.

– Я что, непонятно сказала? – рявкнула женщина.

Маша вздрогнула. Ого... Оказывается, тётя не особо церемонится и с домочадцами. Или она только сегодня в плохом настроении – срывает злость из-за появления ненавистной наследницы на тех, кто подвернулся под руку?

Не сразу заметила притулившегося на краю табурета мужчину. Наверно, если бы не необыкновенно ярко-голубой цвет его радужек, он совсем бы слился с окружающей обстановкой.

Настолько был serene, прозрачным, смирным. Его скромности с лихвой хватило бы на троих. Только сияние, которое излучали приметные глаза, невольно заставляло посмотреть на него ещё раз. Более внимательно и удивлённо.

Мужчинка по-особенному опустил веки – чуть дольше, чем следовало для стандартного моргания, словно таким образом застенчиво здоровался с Машей. Улыбнулся тоже как-то виновато, оставив ощущение – он извинялся за несдержанную хозяйку и просил не судить её строго.

Бесцветные губы шевельнулись, подкрепив приветствие, но столь нерешительно, что слова не посмели вырваться дальше рта.

– Здравствуйте, – Маша невольно понизила голос, с опозданием отвечая на невнятное обращение.

– Чё опять орёшь, мать? – похоже, на пороге кухни, зевая и расслабленно почёсывая грудь, появился тот самый вызываемый Дима.

Кажется, он был ровесником Маши или чуть старше.

Небрежно выцепил самое красивое яблоко из мойки, лениво потёр его о футболку и с хрустом вгрызся в плод. Одновременно с этим плюхнулся на кожаный диванчик возле окна, вальяжно забросил ногу на широкий подлокотник и насмешливо уставился на Жанну.

Чуть вскинул брови, когда обнаружил присутствие нового человека – Марии. С нескрываемым, но умеренным любопытством пробежал взглядом по всей фигуре – от макушки до пят.

Что-то изменилось в глубине его глаз, и выражение откровенной скуки исчезло с лица.

– Ты, что ли, и есть наследница? – улыбнулся неожиданно приветливо.

Было очевидно без комментариев: молодого человека абсолютно не беспокоит гнев Жанны, и он явился вовсе не из-за того, что испугался её крика.

– Да, она и есть Мария Самсонова, – не дав ей ответить, вмешалась хозяйка. – Сейчас перекусим и **все вместе** поедem к Серафиме, – добавила с нажимом на слове «все» и так грозно посмотрела на парня, что подтекстом читалось – по поводу «вместе» у них уже состоялись самые жаркие дебаты.

– Поехали, – хохотнув, громогласно согласился Дмитрий.

Жанна слегка нахмурилась, недоверчиво вслушиваясь в ответ. Наклонила голову набок, перевела озадаченный взгляд на безмолвного мужчину, потом подозрительный – на гостью и снова на парня – непонимающий.

Похоже, для женщины стало неожиданностью, что молодой человек сдался так легко.

– Мам, ну харе меня разглядывать. Что-то новое узрела? Давай, мечи уже на стол, что там вкусного наготовила. Жрать охота, – он звонко похлопал себя по животу.

«Ага, значит, Дима – сын Жанны, а мужчина – её муж и отец Димы», – сделала вывод Маша.

О том, что она не ошиблась, свидетельствовали пронзительно голубые глаза отпрыска, светлые волосы и очертания скул, которые были точно такие, как у родителя. А разлёт бровей и наглость парень явно унаследовал от матери.

Через минуту всей компанией расположились за столом.

Оказалось, суровая Жанна неплохо готовит, тихо удивилась гостя, попробовав угощение. Так вкусно и изобретательно кулинарят, только когда вкладывают душу, желая побаловать любимых людей.

Спустя ещё какое-то время закрались небольшие сомнения в чрезмерной злобливости хозяйки.

Несмотря на негостеприимный приём, она настойчиво пичкала Машу кушаньями, а та изо всех сил отнекивалась.

Муж Жанны – Вячеслав, лишь ласково поблёскивал ясными очами. За весь обед робко прошелестел пару фраз, а при особо яростном напоре жены делал незаметный жест, как бы товарищески советуя гостя: «Смирись уж, ешь». И аккуратно ковырял свою порцию.

Дима периодически бросал ироничные взгляды то на Машу, то на родителей и усмехался. В мгновение ока смёл содержимое тарелки, потом, не притормаживая, наложил приличную порцию добавки и тут же проглотил.

Судя по всему, он обладал зверским аппетитом. В основном висел в телефоне, активно переписывался, а порой, не обращая внимания на выразительные вздохи матери, бесцеремонно хохотал, открывая поступающие сообщения.

В общем, пока всё казалось не таким уж и страшным. А учитывая, что жить предстояло не в этом семействе, а вдвоём с Серафимой Андреевной в квартире на другом конце города, вроде бы даже неплохо.

Жанна Василькова

Глава 4. Сепарация

Васильковы – невероятно милую фамилию носили члены этого разноликого семейства – уехали по-цыгански крикливо и стремительно, так же как и ввалились в квартиру Серафимы Андреевны несколькими часами ранее.

Оставили испуганную Машу наедине с безумной старушкой.

Или бросили?

Девушка постояла в прихожей, потерянно вслушиваясь в удаляющийся гул лифта, привыкая к резко воцарившейся тишине.

Вот и всё. Свершилось? С этой минуты она обрела полную самостоятельность?

Обхватив себя за плечи и стараясь ступать бесшумно, неприкаянно обошла квартиру. С любопытством шагнула на лоджию – в их общежитии не было балконов. Осторожно облокотилась о перила, всматриваясь в опускающиеся на столицу сумерки.

Где-то под коленками пробежал холодок: пугающе высоко – двенадцатый этаж. Кругом всё чужое, непривычное...

Невольно вздохнула. Наверное, освоится со временем?

Внизу покачивались макушки деревьев. Они казались чёрными, таинственными, немного угрожающими. Но днём – Маша специально смотрела – выглядели очень приветливо со свежей, трепещущей на ветру нежно-зелёной листвой.

Весь двор был заполонён тополями. Сейчас середина мая, наверное, недели через две-три всё покроется пухом. Интересно – на эту высоту он залетает?

Медово-золотистый свет московских окон – густой, поддразнивающий домашним теплом – струился из теряющихся в темноте стен зданий.

Приглушённым урчанием дороги доносился шум улицы. Подвижная змейка из цепочки автомобилей то ускорялась, то, подчиняясь сигналу светофора, замедлялась на перекрёстке. Потом, отражаясь во влажном асфальте, снова текла красными огнями фар в одну сторону и контрастно жёлтыми в противоположном направлении.

Маша поёжилась – воздух посвежел.

На цыпочках приблизилась к балконной двери, прислушалась. Выдохнула с облегчением: похоже, таблетка подействовала, Серафима Андреевна заснула.

Жанна оставила целую инструкцию по обращению с престарелой больной.

Несколько раз звонко постучала по листку указательным пальцем с увесистым перстнем и вызывающе ярким маникюром, тыкая в особо важные моменты.

Пронумеровала всё по пунктам, времени, расписала, где что брать, в каком порядке делать.

Яростно рывкнула на мужа, когда тот залепетал, что при необходимости можно звонить им даже ночью.

Более ровным, но всё ещё сердитым голосом поделилась хитростями, как переключить Серафиму, если та начнёт буянить. Записала телефоны, адреса.

Вроде ничего не забыла.

Напоследок проверила, сможет ли Мария, пользуясь её подсказками, вымыть и переодеть бабушку.

Она справилась, даже неплохо получилось.

Маше казалось, будет намного хуже и не сможет заставить себя прикоснуться к чужому телу. Оказывается, смогла.

Под угрюмым взглядом Жанны она и думать забыла о брезгливости.

Но всё равно было так страшно!

А теперь ещё и бесконечно одиноко.

До обожаемого тёплого гнёздышка, дорогой семьи – полторы тысячи километров.

Вокруг огромный чужой город, не столько враждебный, сколько настороженно оценивающий нового жителя. В нём миллионы и миллионы незнакомых людей, которым нет дела до неё.

Старенькая двушка с тёмными обоями и лоджией на всю ширь квартиры, неприлично большая кухня.

Столько пустого пространства!

Обстановка, шумы, запахи, конфигурация и холодное, безжизненное оцепенение стен столь отличались от привычной суеты, постоянного движения и уютной тесноты родной общаги!

Что сейчас дома делают? Мама, папа, братья...

Глаза вдруг защипало, Маша непроизвольно шмыгнула носом. Им хорошо, весело, они все вместе. А она...

Позвонить? Взглянула на время. Нет, поздно. Это в столице одиннадцать вечера, а там уже час ночи.

Мама беспокоилась, звонила засветло, но поговорить из-за Васильковых не смогли.

День оказался ненормально длинным, вместительным, словно резиновый. Столько разного промелькнуло: ранний подъём после суток в плацкарте, Ярославский вокзал, такси, дребезжащий лифт. Агрессивная Жанна, мутный Вячеслав.

Дмитрий... Хм... Он симпатичный. Живой, весёлый.

А какой дурниной кричала Серафима, едва они зашли в квартиру! Кошмар.

От неожиданности у Маши чуть сердце из груди не выскочило. Она побледнела, схватилась за дверную ручку, даже коленки затряслись.

Хорошо, что старший Васильков сориентировался, по-доброму приобнял её за плечи и попытался успокоить. Зашипел прямо в ухо, аж задел его губами:

– Не пугайся, она не от боли или злости. Просто почудилось что-то. С головой проблемы. Наверное, мерещится, как по лесу гуляет. Во! Слышишь? По именам зовёт, думает, что с кем-то калякает. Она всегда так.

Жанна, не мешкая ни секунды, скинула обувь и метнулась к Серафиме. Заговорила с ней громко, строго, однако не сказать, что грубо.

Как только пожилая женщина притихла – та лежала на специальной кровати с бортиками – и закрутила головой, отыскивая источник звука, Василькова изменила тон на доброжелательный.

Старушка сосредоточилась, несколько минут отвечала невпопад, а потом, похоже, утихла и перестала обращать внимание как на слова, так и на присутствующих. Вскоре вдруг запела во весь голос и принялась отбивать такт кулаком.

Маша сникла, до конца осознав, насколько будет непросто.

Один Дима остался безучастным. Ехидно глянул на папашу, который продолжал по-отечески хлопотать вокруг понурой гостьи: то успокаивающе поглаживал её, то прижимал к себе.

Затем младший Васильков сунул нос в комнату Серафимы, где всю активничала мать. Хмыкнул и скрылся в кухне.

– Еда есть, на пару дней вам хватит, – оптимистично оповестил, хлопнув дверцей холодильника. – Если что, то ближайший продуктовый в этом же доме, с торца. Спать где будешь? – вернулся в прихожую и, скрестив руки на груди, воткнулся взглядом в Машу.

– Как где? Здесь, в квартире, – растерялась она, отстраняясь от обходительного Вячеслава.

– Это понятно, – хохотнул парень. – Я про то, в какой комнате. Не в одной же с Серафимой. Можно вторую занять, но она далековато, с непривычки не услышишь, если бабуля

зашумит ночью. Всех соседей перебудит. Я бы посоветовал обитать на кухне, там места много и диван есть.

– Да-да. Тогда я останусь на кухне.

– Правильно, – одобрил он и подмигнул: – А то я порой сюда по вечерам заруливаю, сразу шурую в маленькую. Привык к ней. Не дай бог, не замечу тебя в темноте и приземлюсь сверху.

Его отец встрепенулся, рыкнул:

– Нечего тебе здесь делать! Ключ отдай.

Маша изумлённо вскинула глаза. Ого, значит, мужчина умеет разговаривать достаточно внятно и требовательно.

– Славик, пусть ключ остаётся у Дмитрия. Мало ли что потребуется, – из комнаты властно, будто отрубила, распорядилась Жанна.

Оказывается, она даже на расстоянии всё прослушивала и держала под неусыпным контролем.

Вячеслав заметно вздрогнул, мгновенно сдулся, втянул голову в плечи и согласно закивал:

– Пусть, пусть... Ничего против не имею.

Шмыгнул на кухню, пристроился на краю дивана. Остаток дня провёл в углу, периодически пронзая Машу взглядом, наполненным сверкающей бирюзой.

Когда жена совсем уж разъярялась в агрессивной инициативности, грустно поднимал брови и осторожно раздвигал губы в сочувственной улыбке. Как бы обозначая, что всей душой на стороне Марии, но увы, не имеет возможности поддержать её открыто.

Преимущественно Славик с флегматичным видом наблюдал за деятельностью своих домочадцев.

С приближением темноты Васильковы дружно собрались и уехали, оставив испуганную девушку осваиваться в новой реальности.

Глава 5. Втянулась

Первая ночь оказалась дико тяжёлой и нервной. Но не столько мучила Серафима, сколько Маша сама себя накрутила и никак не могла расслабиться.

Постоянно что-то чудилось: то какое-то движение в темноте, то непонятно откуда раздавались стуки, трески, шорохи и даже голоса.

Скорее всего, звукоизоляция многоквартирного здания была слабой, а переселенка ещё не привыкла к новым ощущениям.

Здесь даже холодильник гудел не как дома!

После полуночи вдруг накатил тот самый иррациональный страх. Это объяснялось банально: за все свои сознательные годы Мария впервые спала в новом месте, к тому же совсем одна.

Полное безлюдье вокруг пугало до колик в животе.

А уж соседство человека в состоянии глубокой деменции ни капельки не походило на надёжную компанию, только в разы усугубило панику.

Маша сама удивилась, что она до такой степени трусиха. Позор, да. Братья бы задразнили.

Даже не хватило отваги выключить свет и остаться в темноте, поэтому до утра рядом с её диваном мягко мерцал ночник.

Она то и дело отрывала чумную голову от подушки, приподнималась на локте и, тараща глаза, до звона в ушах, вслушивалась. Сердце то колотилось, то замедлялось в ожидании воплей из соседней комнаты.

На сто процентов была уверена, что не сможет уговорить родственницу и они всполошат весь дом.

Нервно грызла ногти: ну почему Жанна не осталась хотя бы на одну ночь? Пусть даже просто находилась в спальне. Маша её ни разу бы не побеспокоила, всё делала сама.

Однако бедная Серафима как раз и не шумела. Проснулась в два часа, потом в четыре и едва начинала кряхтеть, как девушка вскакивала и пулей мчалась к ней.

Поворачивала на другой бок, давала воду и – чудо! – бабушка затихала.

То, что проблема решалась таким немудрёным способом, удивило, добавило толику оптимизма и немного успокоило.

Но не настолько, чтобы получилось задремать.

Наутро Мария бродила как сомнамбула: мятая, сонная, непричёсанная.

Запрещая себе любые пессимистические и гадливые мысли, стараясь не дышать, провела гигиенические процедуры с Серафимой.

Сдерживая рвотные позывы, поменяла памперс, пелёнку, футболку, постельное бельё. Накормила. Включила стиральную машинку, протёрла пол.

Потом приготовила кофе и, бездумно глядя в окно, сжевала бутербродик.

Целый день запиналась, зевала, вяло тыкала в клавиатуру ноутбука и всё реже вздрагивала, когда старушка начинала колотить кулаками и пятками по кровати. Крики тоже перестали вызывать слишком бурную реакцию.

Острота восприятия притупилась. В измученном организме заработали защитные механизмы, эгоистично отсортировывая малосущественные переживания, глуша эмоции, сберегая ресурсы для сохранения здоровья.

После полудня Маша даже урывками подремала.

Следующая ночь, как и третья, и все последующие, не принесли ничего нового, из дня в день всё шло по прежнему сценарию.

График бодрствования, работы в интернете и отдыха постепенно сам собой перекроился под ритмы жизнедеятельности Серафимы. Так было легче и разумнее.

Время как-то проходило. Серенько, не особо выматываяще.

Угнетая обидой и стойким чувством, будто Маша всеми предана, наказана неизвестно за что и находится если не в тюрьме, то, по крайней мере, в изгнании.

Хотя объективно её никто особо не контролировал и не ограничивал. Жанна отстранилась: не приезжала, вопросы не задавала, довольствовалась краткими отчётами в мессенджерах.

Глодало постоянное недоумение, а нужны ли вообще госпоже Васильковой эти доклады?

Наверное, Маше можно было отлучаться из квартиры подольше и подальше. На час, другой. Куда-нибудь. Всё-таки в столице живёт, есть на что посмотреть. А не только высказывать из дома, чтобы совершить короткую пробежку в ближайший магазин.

Как она уже убедилась, Серафиму можно было спокойно оставить одну на довольно длительное время, ежеминутное присутствие возле неё не требовалось.

Но изгнаннице не хотелось гулять. Настроения не было. Она предпочла негласно обидеться на всех.

Вторая московская неделя закончилась. Черёмуха отцвела, побушевав неповторимым горьким ароматом, усыпав чёрные тротуары контрастно белыми лепестками.

Погода к концу мая установилась на редкость солнечная, тёплая. Прогноз оптимистично гарантировал, что температура выше тридцати градусов продержится до конца месяца.

Ночами было душно и по-липкому потно.

Из-за жары в последнее время Серафима спала беспокойно, затихая только к рассвету, когда настежь распахнутые окна втягивали прохладу внутрь пропаренного помещения и воздух свежел.

Как только бабушка успокаивалась, следом расслаблялась и Маша.

Научилась.

Ничего страшного, что спали они в неправильное время. Появился своеобразный, капельку злорадный кайф прохлаждаться в постели, когда у остальных начинался пик активности и все напропалую куда-то спешили: кто-то на работу, другие на учёбу, третьи по не менее важным делам.

У них с Серафимой собственное расписание. Утренний сон после долгой, выматывающей ночи был не менее крепким и хорошо восстанавливал.

В такую жару можно было спать без ничего, но совсем голой Маша чувствовала себя некомфортно. Простынка, топик с тонкими лямками, шортики – всё лёгкое, струящееся, не сдавливающее тело – этого минимума достаточно.

Когда с детства день и ночь находишься среди людей, то привычка быть худо-бедно одетой в любое время суток въедается в организм на уровне инстинкта, несмотря ни на какие показания градусника.

Утром в пятницу они, как обычно, спали.

В какой-то момент показалось, что в прихожей щёлкнуло и будто воздух всколыхнулся.

Маша кое-как оторвала ухо от подушки, прислушалась секунду. Нет, почудилось... Или звук донёсся с улицы.

Потянулась с полустоном, повернулась на спину.

Как же здорово нежиться, когда огромный город только-только оживает, а лично тебе никуда не надо торопиться!

Провалилась в сон.

Мама...

Тёплые руки тихо перебирают волосы, едва ощутимо касаются кожи. Будто пёрышком щекочет.

Глаза размыкать лень, так безумно сладко. Приятно, легко, прямо до мурашек... Счастье негой растекается по телу. Сил нет даже мурлыкнуть, едва хватило, чтобы чуток повернуть голову, открывая доступ к необласканным местам. Улыбка появляется сама собой.

Дуновение по подбородку... Словно бабочка порхает.

Как же хорошо! Мысли разомлели, потекли, трансформировались в блаженные ощущения.

Немного подвинулась, уступая место, почувствовав мягкий толчок – мамочка тихо ложится рядом. Родная... Тоже соскучилась.

На щеке её ласковые губы.

Дремлющее подсознание смутно уловило: почему-то кожу колет.

Дыхание...

Глубокое, взволнованное, всё более горячее и жадное.

Не то?

С каким-то незнакомым отталкивающим запахом.

Чужая рука переместилась ниже, скользнула под резинку трусиков.

Уверенно коснулась сокровенного места...

Что?!

Маша распахнула глаза, и сердце остановилось. Это не мама!

Глава 6. Схватка

Прямо перед лицом, целиком заслоняя обзор, – пористый нос с раздутыми ноздрями и скулы, покрытые неровной, беспорядочно растущей щетиной.

Мышцы неизвестного были напряжены, он ощутимо вздрагивал от возбуждения.

Грузное, с душком прокисшего пота, тело всё больше подминало Машу под себя, стремясь расположиться по центру, и по-хозяйски раздвигало её ноги.

Глаза человека закатились в предвкушении экстаза, виднелась только полоска желтоватых белков под полуопущенными веками.

Он ёрзал и похотливо кряхтел, пытаясь пристроиться удобнее.

– Нет! – Маша хотела крикнуть громко, но из пересохшего от ужаса горла раздалось нечто хриплое и жалкое.

Знакомые бирюзовые радужки нехотя вернулись на место и сфокусировались на её лице.

Вячеслав?

Упёрла руки в мужскую грудь. Забилась, извиваясь змеей, отчаянно пытаясь выбраться из-под тяжести чужого туловища.

– Тшш... – зашипел насильник, словно с удивлением. – Тихо-тихо, успокойся. Это же я – Славик. Ты чего, Машенька, всё же хорошо было. Расслабься, не дёргайся. Всё правильно сделаю. Я умею доставлять удовольствие, тебе будет оч-ч-чень сладко.

Придавил сильнее, вмял в матрас, потянулся влажными блёклыми губами к её губам. Она лихорадочно замотала головой, не позволяя коснуться рта.

– Нет! Не надо, пусти!

– Да не бойся ты. Чё как дурочка-то? Всё нормально будет. Я же аккуратно, не в тебя кончу... Ну хватит, не брыкайся. Ох и проказница! Завела до предела, не могу терпеть. Маш, я что говорю, прекращай лягаться. Уй! Что ты делаешь? Смотри, куда бьёшь, – цокнул. – Всё, пеняй на себя. Не хочешь по-хорошему, будет по-другому.

Одной рукой обхватил её запястья, ловко сцепил их вместе, задрал над головой и крепко впечатал в подушку так, что шевельнуть кистями не получалось.

Резким движением ввинтил колено меж ног, грубо раздвинул их, втискиваясь бёдрами в середину.

Второй рукой сорвал полоску тонких трусиков, обнажая то, что всегда оставалось скрытым от чужих взоров.

Наклонив голову, обозрел открывшийся вид, втянул запах. Чуть ли не капая слюной, облизнулся.

Сладострастная конвульсия прошла по его телу, и, стиснув зубы, мужчина сдержанно застонал.

Уверенно взжикнула молния ширинки, ужасая приближающейся развязкой. Вячеслав чуть вильнул упитанным задом, ловко стягивая с себя тугие брюки, отбросил их на пол.

Торопливо пошарил в своём паху, через мгновение звонко щёлкнула резинка боксеров, и пружинистая часть тела, упруго покачиваясь, вывалилась наружу.

– А-а! – во весь голос закричала Маша.

Рванулась, как в последний раз, и собачьей хваткой вцепилась зубами в плечо мерзавца.

– А-а! – тут же эхом прилетело из соседней комнаты и, набирая силу, зазвенело по квартире – Серафима пробудилась и со всей мощностью связок продолжила звук.

– А-а! Зараза, разожми зубы, прокусишь! – подхватил эстафету мужской вопль.

– Слезь с меня, сволочь, не смей трогать! – разжав челюсти, прохрипела Маша, с ненавистью глядя в раскрасневшуюся рожу. – Я заявлю на тебя, если что-нибудь сделаешь со мной.

– Чё, цену набиваешь, что ли? Боишься? Никто же не узнает. Можно подумать, будто ты в первый раз. Не девочка уже, наверное?

– Не твоё дело! Пусти!

– А хрен ли тогда задницей передо мной крутила, тёрлась, прижималась, глазки строила? – брызнул слюной Вячеслав.

– Я?! – Маша вытаращила глаза. – Ничего подобного! В мыслях даже не было.

Бордовый Славик сердито хрюкнул и, тяжело дыша, завис над ней. Лицо с выступившими капельками пота отразило работу мысли: смесь замешательства с преобладающей долей подозрительности.

Несколько секунд так называемый родственник сверлил девушку изучающим взглядом, но его боевой запал уже сдулся. Во всех отношениях: морально и физически.

С некоторой растерянностью Васильков взглянул на свой уныло обмякший мешочек, потом – печально – на вожденное, но так и не распробованное место. Расстроено вздохнул и плюхнулся на простыню животом вниз. С таким шумом, словно плашмя рухнул с вершины и безжизненно замер в этом положении.

Освобождённая Маша молнией слетела с дивана, схватила одежду и, на ходу натягивая её, помчалась к Серафиме.

Та кричала, не переставая, будто включила пожарную сирену. Хваталась за перегородку, за спинку кровати, трясла её и изо всех сил пыталась подняться.

Маша впервые увидела свою подопечную в таком возбуждении. На миг показалось, что старушка осознаёт происходящее и хочет прийти на помощь.

Славик

Глава 7. Спасение

– Всё-всё-всё, Серафима Андреевна, успокойтесь! Всё в порядке, ничего не случилось, не кричите.

Та, услышав знакомый голос, тотчас примолкла и перевела на неё слезящийся взгляд. В старчески блёклых глазах плескался страх, беспомощность и жалость.

– Правда? Он не обидел тебя? – осмысленно проскрипела больная.

– Правда, бабушка, – забыв об обычной брезгливости, Маша обняла высохшее тельце и прижалась к ней.

Счастливо выдохнув, Серафима неуклюже ткнулась в её затылок потрескавшимися губами. Принялась пальцами, которые давно потеряли способность разгибаться полностью и то цеплялись за одежду, то царапали кожу, успокаивающе гладить девичью спину.

Постепенно старушка успокоилась, дыхание выровнялось.

Вскоре она вернулась в своё обычное состояние и задремала, добирая, что недоспала.

С кухни не доносилось ни звука.

Маша, боясь выйти из комнаты, тревожно вслушивалась, но ничего не происходило. Похоже, тот поганец не двигался, как рухнул на диван, так и лежал.

Не понимая, куда деться – не возвращаться же на кухню, – она на цыпочках приблизилась к креслу и уселась глубже. Обхватив колени, прижала их к груди. С головой укуталась в плед и ждала.

Несмотря на жару, её потряхивало: зубы всё ещё мелко клацали – то сильнее, то как будто бы медленнее. Ступни замёрзли, тело покрыла гусиная кожа. Колотило не от холода – банальная нервная дрожь.

Этот... Он же должен когда-то уйти? Не собирается торчать у них весь день?

Утро вступило в активную фазу. Москва пробудилась окончательно и включалась в будничную суету.

С улицы доносился ровный гул автомобилей, пискляво тявкала собачонка. Возле окна с пронзительным криком летали стрижи, заблудившийся шмель кое-как полз по балконному стеклу.

Где-то в подъезде хлопали двери, играла музыка, угадывался шум работающего механизма лифта.

Только в полутёмной квартире было тихо, будто в ней совсем не было людей.

Невтерпёж хотелось в туалет, но Маша не решалась сдвинуться с места. Кто знает, что на уме у этого озабоченного? Отдышится и набросится снова.

Было страшно, противно и обжигающе стыдно.

И вообще, столько отчаянных мыслей роилось в несчастной голове!

Больше всего хотелось сию минуту схватить чемодан, побросать в него вещи и оказаться дома.

Как жуткий бред забыть всю эту московскую... жизнь? Нет. Не жизнь – кабалу, повинность, существование.

Зачем её вычеркнули из родной семьи? Почему она стала лишней?

Горечь слезами скапливалась на ресницах, перехватывала дыхание, вынуждала кривиться губы. Обида жгла и пружиной скручивалась внутри.

Через бесконечно долгий и дико напряжённый промежуток времени с кухни буднично донёсся аромат кофе, негромко хлопнула дверца холодильника.

Маша саркастично усмехнулась, цокнула про себя: «Кошмар! Ну и борзый этот... дядя Славик! Ни стыда ни совести: напакостил и хоть бы хны. Оголодал мужчинка, завтракать изво-

лит и непременно в нашей квартире. Никакие досадные казусы не могут испортить ему аппетит. Козёл».

Хотя она ждала каждую секунду, ненавистный силуэт возник в дверном проёме внезапно и беззвучно. Васильков был уже полностью одетым, застёгнутым на все пуговицы.

Первым делом с опаской пробежал взглядом по безмятежно посапывающей Серафиме, тихо хмыкнул и вонзил бирюзовый прищур в Машу.

Её передёрнуло. Ещё сильнее вдавилась в спинку кресла, пальцы до побеления сжали плед.

В лице Вячеслава на миг промелькнуло что-то хищное, затем приняло самодовольное выражение. Он, не сводя с неё глаз, задумчиво поскрёб щетину на щеке, свистяще выдохнул сквозь зубы и мотнул головой, приглашая пройти за ним.

– Нет, – исподлобья сдавленно шепнула девушка. И тоже помотала головой, но отрицательно.

Гость сдвинул брови:

– Идём, сказал! – Снисходительно процедил: – Не бойся. Ничего не сделаю. Ну! – нетерпеливо топнул, видя, что она не двигается с места. – Или тебя за руку вытащить?

Несмотря, что он до минимума понизил голос, каждое слово звучало отчётливо, в полной мере донося раздражённую интонацию.

Маша нервно сглотнула, покосилась на Серафиму и, помедлив секунду, спустила ноги с кресла. Сгорбившись и всё так же кутаясь в спасительный плед, двинулась в направлении кухни.

Шлёп-шлёп, звук её босых ступней не заглушил агрессивное дыхание чужака. Кажется, ноги чувствовали каждую трещинку и пылинку на полу.

*
 Дорогие друзья! Если вам нравится история, отметьте её звёздочкой: «Мне нравится» и добавьте в свою библиотеку, чтобы не потерять.*

Подписывайтесь на автора. Благодарю за любую активность.

*Отдельная благодарность тем, кто оставляет комментарии. Ваше мнение очень важно и помогает в написании книги.
*

Глава 8. Шантаж

Вячеслав с показушной вежливостью посторонился, предоставляя ей проход.

Кивнул на стол. Над поверхностью дымком поднимался аромат от двух чашечек кофе. В тарелке лежала горка симпатично оформленных бутербродов. Завершала композицию вазочка с одиноким цветком, пристроенная в центре стола.

Прямо-таки идиллическая картинка семейного завтрака.

Славик-то, оказывается, любитель утончённых наслаждений, ценитель красоты, ограниченной кашей и яичницей.

Маша стрельнула глазами на диван.

Постельное бельё было сложено в аккуратную стопку, поверх которой, как та вишенка на торте, красовались её порванные трусики. Тоже тщательно расправленные, без единой складочки.

Девушка покраснела и отвела взгляд.

Мужчина не смог или не пожелал скрыть короткой злорадной ухмылки.

– Присаживайся, перекусим. Заодно поговорим, – хрипло шепнул в висок.

И сразу же смешливо фыркнул – откровенно наслаждался её неловкостью и упивался своим превосходством.

Она резко отодвинулась, села на табурет. Спрятала ладони между колен и, втянув голову в шею, воткнулась взглядом в стол.

Понимала: поза совершенно неправильная, ещё больше утверждает Славика в мысли, что он победитель, а Маша – провинившаяся жертва.

Тем не менее пересилить себя и выпрямить спину не смогла. Было невозможно стыдно посмотреть в лицо несостоявшегося насильника.

– Ты это... Извини. Похоже, я тебя неправильно понял, – деланно зевнув, небрежно прогундосил гость.

Однако по снисходительно-покровительственному виду и насмешке в глазах было очевидно: Васильков ничуть не раскaiвается, а пробует слегка сгладить неловкую ситуацию, оформив её в приличные слова, и понять по ответу, как действовать дальше.

Извинения, ещё и откровенно фальшивые, Маше были не нужны. Да и вообще не хотелось слышать никаких липких комментариев к случившемуся.

Суть она уловила: из фразы следовало – мужчина не планирует нападать на неё и брать силой. По крайней мере сегодня.

Этого достаточно.

Она немного расслабилась. Главное – не перечить и не провоцировать, иначе неизвестно, чем обернётся перепалка.

Ведь, насколько известно, именно подобные личности, маскирующиеся под тихоню, оказываются самыми жестокими маньяками.

Вячеслав покашлял, прочищая горло. Расправив плечи, мурлыкающим тоном изрёк:

– Не скрываю, ты мне сразу понравилась. Чувствовала, наверное, это? Да и ты ко мне льнула, чё уж... Я же видел, – помолчал, рассчитывая на реплику. Вдохнул: – Не знаю, с чего вдруг решила пойти на попятную. Смотри, если передумаешь, я в любую минуту готов к... э-э... тесному общению. Только шепни... Мы станем большими друзьями. Я тебя не обижу, всегда помогу, буду твоим защитником, – потекла патока из его уст.

На этих словах Маша невольно поёрзала и едва сдержалась, чтобы не съязвить: каким же он себя нереально мужественным видит. Вот уж самомнение у человека!

Защитник, ага. Стоит Жанне цыкнуть, его тут же ветром сдует. Герой. Ну-ну.

Но лучше терпеть, не спорить, чем произнести неосторожные слова.

Молчание – залог безопасности.

– Ты ведь умненькая девочка, – он покровительственно накрыл её запястье своей ладонью, нежно провёл пальцем по коже, затем слегка сдвинул. – Давай договоримся: о сегодняшнем случае никто не должен знать. Пусть он останется нашей маленькой тайной. Хорошо?

Бр-р! Мерзкое касание! Маша, едва усев на стуле, брезгливо сбросила руку и кивнула.

Поморщившись, Вячеслав укоризненно покачал головой. Видимо, неуважение, проявленное к его доброму жесту, оскорбило родственника.

Меланхолично отщипнул кусочек сыра, неторопливо отправил в рот. Хлебнул из чашки и завис, прожёвывая пищу. Его настроение явно испортилось.

Он сопел, сосредоточенно обдумывая следующую фразу.

До сей поры в его голосе сквозили елеинные нотки, теперь появился надменный холод:

– Поверь, я не планирую ссориться с тобой. Не расцени мои слова как угрозу. Просто, чтобы ты не натворила никаких глупостей, помни о таком понятии, как «недостойный наследник». Если не придём к согласию, то легко устрою тебе эту неприятность.

– Шантажируете? – прищурилась Маша, впервые подняв глаза на собеседника.

– Нет, – поведя бровью, нагло ухмыльнулся он. – Беспокоюсь о тебе.

Высунул влажно блеснувший белёсый кончик языка, многозначительно глядя на Марию, медленно обвёл им свои губы. Поцеловал воздух в её направлении.

Удовлетворённо хмыкнул, заметив, что она отследила движение и снова покраснела.

Неспешно заглотил бутерброд, допил кофе. Двумя пальцами пренебрежительно подтолкнул опустошённую чашку к ней:

– Вымой. Пошёл я. Увидимся.

Он действительно ушёл.

Его угроза сработала. Напряжение, в котором Маша жила первые дни, вернулось, обретя особую остроту.

Кроме того, стычка одарила полезным пониманием – на ночь дверь квартиры следует запирать на дополнительную задвижку.

Кто знает, мало ли у кого ещё есть дубликаты ключей.

Это наш очаровательный герой Славик с чистым бирюзовым взором) Завтракает...

Глава 9. Визит

Мир снова стал беспросветным. Из него с корнем выдрали радость.

В очередной раз Машу лишили возможности реализовывать собственные желания.

Бесило – абсурд какой-то: совершенно посторонние люди бесцеремонно вмешиваются в её жизнь. И она вынуждена жертвовать своим настроением и интересами.

К моменту конфликта с Вячеславом Маша уже немного освоилась и успела принорочиться к сосуществованию рядом с больной бабушкой.

Соблазн выбраться из дома хотя бы часа на два искушал всё чаще и сильнее.

Специально для этого она отслеживала условия, благодаря которым Серафима оставалась спокойной дольше всего. И засекала, какой период та могла находиться одна.

Изучила и распланировала маршрут для вылазки, подобрала время.

Всего лишь только предвкушение прогулки уже заряжало энергией и согревало всю неделю.

Даже порой становилось смешно: собиралась так тщательно, будто готовилась к выходу в космос.

Теперь от этой мечты пришлось отказаться.

Своей угрозой Славик основательно ограничил ей свободу передвижения. Оставлять Серафиму одну было нельзя.

Наоборот, охранять её следовало круглые сутки.

Опасно. Неизвестно, на какую пакость мог решиться оскорблённый мужчина. С его свободным доступом в квартиру он вполне мог устроить инсценировку и повернуть ситуацию таким образом, чтобы всё выглядело так, будто Мария способствует скорейшему уходу хозяйки недвижимости из жизни.

Дело даже не в том, получит она наследство или нет, достойная наследница или недостойная. Помимо понятного страха за Серафиму, нешуточно испугала сама перспектива нарваться на проблемы и подвергнуться интересу со стороны правоохранительных органов.

А потом попробуй докажи свою невиновность!

Не-не-не, лучше уж сидеть дома безвылазно.

Хотя, честно говоря, затюканный мужчинка зря так всполошился: Маше и без его шантажа не пришлось в голову сообщить Жанне об инциденте.

Всё снова шло своим унылым чередом, дни волоклись одинаково серые, длинные, пронизанные тоской и чувством неисчезающей тревоги.

Жизнь в московской многоэтажке кардинально отличалась от общежитского муравейника, где любое движение на виду и на слуху каждый чих. Там соседи знали друг о друге всё. И оказывались в курсе того, во сколько ты проснулся, чем завтракал, времени выхода и возвращения домой. Даже когда сходил в туалет.

Здесь, в столице, люди делали шаг в подъезд и растворялись в многодверном пространстве, оставляя лишь слабые звуковые намёки на своё существование.

Единственная, кто запомнилась, – это розоволосая женщина из квартиры напротив.

Её было трудно не заметить. Не только из-за ядовитой шевелюры, но и в не меньшей степени из-за броского макияжа: жирные стрелки, переливающиеся тени, ярко-красная помада на губах и небрежно растушёванный слой румян – всё выглядело не столько экстравагантно, сколько по-клоунски. Ко всему прочему, дама отчаянно молодилась и облачала своё поплывшее тело в несуразную одежду таких же кричащих цветов.

Эта неординарная особа почему-то испытывала к Маше плохо прикрытую антипатию.

И каждый раз сканировала изучающе-враждебным взглядом, будто твёрдо знала: девушка участвует в мировом заговоре и прячет за пазухой по меньшей мере пакет шпионских документов.

Поэтому, когда им доводилось сталкиваться возле лифта, становилось ещё неуютнее.

Соседка, как нарочно, то и дело попадала в поле зрения.

Маша ёжилась: странно, отчего розоволосая её откровенно невзлюбила? И не находила внятных причин для неприязни.

Больше всего женщина напоминала ухудшенный клон Мухи, честное слово. Такого же неопределённого возраста – то ли тридцать лет, то ли пятьдесят, а может, и все шестьдесят пять.

Даже французский бульдог, которого выгуливала эта мадам, выглядел более приветливо, несмотря на хищно выдвинутую нижнюю челюсть и торчащие зубы.

Одна отрада – интернет. Респект его создателям! Иначе можно было бы совсем зачахнуть в изоляции.

Прошла неделя после того злосчастного утра.

День прошёл рутинно, никем не отличаясь от череды таких же.

Около полуночи в дверь постучали. Негромко и коротко, будто тот, кто находился по ту сторону, сомневался в своих действиях и просился тактично, беспокоясь о тех, кто находится в квартире, опасаясь переполошить или разбудить их.

Тем не менее Маша подпрыгнула от внезапного звука.

Сколько она здесь жила, к ним ещё никто не приходил. Кроме Славика, конечно. Но и он не стучал, а открыл дверь своим ключом.

Сердце заколотилось по сумасшедшему, во рту мгновенно пересохло.

Кто там может быть? Судя по нерешительным действиям, напрашивался единственный ответ – Вячеслав.

С какой целью он явился?

И стало окончательно страшно. Потому что от столь позднего визита не стоило ждать чего-то доброго.

Помешкав, Маша вынула из сумки баллончик со спреем для самозащиты – специально заказала его на интернет-просторах – сжала во вспотевших пальцах и на цыпочках прокралась в прихожую.

Утверждать со стопроцентной уверенностью, что в подъезде находился именно Васильков, было нельзя. Фигура в полутьме, ещё и искажённая линзой дверного глазка, угадывалась смутно.

Но это был мужчина.

Ох...

Стук повторился. Отрывистый, всё такой же корректный.

Маша облизнула пересохшие губы и, приблизив лицо к замочной скважине, пульнула в отверстие:

– Кто там?

– Марь Сергеевна, привет! – обрадовались в коридоре. – Не спишь ещё? Открой, это я, Димка.

– Димка? Какой ещё Димка? – она поглупела от страха и не сразу вспомнила, кому принадлежит имя.

– Маш, ты чего? Я – Дмитрий Васильков. Сын Жанны.

– А-а... – выдохнула она.

Нервно хихикнула над собственной забывчивостью и защёлкала запорами.

 Соседка

Глава 10. Дима

– Привет, – поздоровался парень ещё раз, когда распахнулась дверь. Понизив голос, покоился на темноту в комнате. – Бабуля спит?

– Привет, – озадаченно повторила Маша, в свою очередь заглядывая за его спину – один ли? – Ага, недавно уснула. Я ей лекарство дала.

– Пустишь? – он улыбнулся так широко и искренне, что улыбка на её лице отзеркалилась сама собой.

– Ой... Конечно, заходи, – посторонилась. Всполошно затараторила: – Ты так неожиданно, я даже растерялась. Не сообразила пригласить. Не стой в прихожей, иди сразу на кухню.

Повторять не пришлось. Дмитрий с готовностью шагнул, небрежно скинул кроссовки и послушно протопал, куда ему указали.

Покрутил головой, с интересом рассматривая некоторые изменения в расстановке мебели.

Маша, чтобы было удобно работать, с самого начала перенесла на кухню компьютерный уголок и передвинула кое-что по мелочи.

Сориентировавшись, младший Васильков ногой подцепил стоящий в отдалении стул, переместил его к обеденному столу, уселся.

Водрузил на поверхность коробку с пирожными, принялся сосредоточенно распутывать золотистую ленточку. Когда не получилось, плюнул и просто срезал её ножом.

Потом шагнул к мойке, приподнял крышку, проверяя содержимое чайника. Вылил остатки воды в раковину, сполоснул его, налил свежую и, оглушительно звякнув металлической ручкой, поставил на газ.

Маша молча наблюдала за по-хозяйски уверенными действиями визитёра. Уголки её рта приподнялись в удивлённой улыбке.

– Это что у тебя? Перцовый баллончик? – изумился Дима, глядя на неё снизу вверх, когда снова плюхнулся на место.

Растерянно моргнув, Маша перевела взгляд с гостя на свои руки. Хмыкнула и прикусила губу.

Да, оказывается, она всё ещё прижимала к груди сей оборонительный предмет.

– Ага, – кивнула смущённо и поторопилась спрятать цилиндр в сумку.

– Что это вдруг? – насторожился Васильков. Нахмурился: – Кто-то приставал? Ха! Зря ты на эту фиговину надеешься. Реально думаешь отбиться, если нападут? – с сомнением покачал головой: – Смотри, с этой железякой надо очень аккуратно. Можно только разозлить, и ситуация станет ещё жёстче. Советую забыть про этот вариант.

– Я знаю, – перебила она. – Но как-то спокойнее с этой штуковиной. Ты что пришёл?

Хотелось скорее закрыть опасную тему.

Парень небрежно махнул рукой:

– Так просто. С пацанами завис в баре неподалёку. Немного выпил. За руль теперь нельзя, ещё и пробки до сих пор. Завтра праздник, все куда-то ломанулись. Тачку бросил на парковке. Вот решил по старой привычке переночевать тут, в комнатухе. Она же свободна. Можно? – вопросительно сощурился. – Ты не против?

– Спи, конечно. Я в спальню почти не захожу. И мне веселее будет, – согласилась Маша. Вспомнила: – А почему ты стучал, а не открыл дверь своими ключами? У тебя же они есть?

– Есть, – подтвердил Дима. – Но что-то неудобно стало вламываться, как раньше. Сейчас же это же твоя территория.

Маша хмыкнула. Его папашу, несмотря на внешнюю воспитанность, почему-то не смущала подобная мысль.

Памятуя о завидном аппетите гостя, метнулась к холодильнику. Нарезала ветчину, огурцы, придвинула хлеб, налила чай.

– И как тебе столица? Нравится? Что видела, много где побывала? – охотно поглощая нарезку вместо своих пирожных, полюбопытствовал парень.

– Не нравится, – невольно насупилась Маша. – Ничего не видела, нигде не была.

– В смысле – нигде не была? И в каком месте конкретно не понравилось? И ВДНХ не по вкусу?

Огрызнулась:

– Говорю же: никуда не ходила! Дальше трёхсот метров от дома не отхожу. И магазином пользуюсь только тем, который с торца.

– Да ладно... – собеседник озадаченно крикнул, недоверчиво откинулся на спинку стула. Рука с поднесённым ко рту надкушенным бутербродом опустилась.

Несколько секунд смотрел на девушку, как на полную дуру.

– Не врубился... Ты фанатичная домоседка, что ли? А на ВДНХ-то почему не ходишь? Вот же центральная арка – рядом, – кивнул в сторону окна. – Семь минут пешком и на месте. Вход бесплатный.

– Ты такой простой! – Маша сердито сверкнула глазами. – Не могу же я оставить Серафиму Андреевну одну.

– А что такого-то? Почему не можешь? – не понимал Дима. – Что с ней случится? Накормила, напоила, переодела. Всё – свободна. Какой смысл возле неё торчать? Лежит и лежит себе человек, всё равно больше ничего полезного не сделаешь. Живи своей жизнью. Мы без проблем её оставляли. На крайняк с сиделкой договаривались. Она пару раз в день забежит и норм.

Похоже, сообщение о безвылазном затворничестве стало для него тихим шоком. Васильков никак не мог успокоиться. Поднялся, покружил по кухне, навис над Машей, пристально разглядывая её. Неверяще покачал головой:

– Ты сейчас гонишь, что ли? Реально всё время дома торчишь? Ну ты даёшь! А я ещё думаю: лето всю жарит, а ты синюшная, ни грамма загара нет. Вот уж маман обалдеет!

– Сиделку? – Маша зацепилась за важную информацию. – А где её взять?

– Офигеть, – ещё больше поразился собеседник. – Тебе мать все координаты оставила, телефоны, адреса, имена. Посмотри в бумажке.

Жалобно пискнула:

– Да? Я думала, это только на самый крайний случай...

Дима выругался. Закатив глаза, запустил ладони в волосы, взъерошил свою причёску.

– Треш! Марь, ты из какого измерения выпала? – обречённо махнул. – Ладно. Беру тебя под своё крыло, иначе совсем пропадёшь. Дай телефон, обменяемся номерами.

Дима Васильков

Глава 11. Покушение

Нельзя сказать, что младший Васильков прямо-таки взялся опекать её, как пригрозил, но они подружились. Легко, непринуждённо, без намёка на романтический подтекст.

Скорее, это было своеобразное товарищество с размытыми границами доверия и откровенности.

В любом случае после наладившегося контакта Маша чувствовала себя более уверенно. Острота одиночества отчасти притупилась.

А уж Димкины советы – порой провокационные и рискованные, а иногда довольно мудрые и полезные, вкупе с его фееричным оптимизмом и безбашенным отношением ко всему стали глотком свежего воздуха в беспросветной рутине.

И вообще, всё восприятие ситуации в целом сдвинулось. Она стала казаться не столь трагичной и безысходной.

Отпрыск Васильковых своим разумным пофигизмом донёс – нельзя возводить ответственность в изнуряющую степень и тащить груз, который, по сути, совсем не требовался. А уж тем более в том объёме, который она на себя взвалила.

Самопожертвование, смахивающее на самоистязание, не имело смысла.

Всё было бы замечательно, если бы не одна гаденькая проблема, которой Маша по понятной причине не могла поделиться с новым приятелем – шантаж со стороны его отца, Василькова-старшего.

Хотя, вполне возможно, недомужчина припугнул её и уже забыл о своих словах.

А вдруг нет? Вдруг затаился и ждёт подходящего момента?

Кто знает, что творится в голове человека, по каким заковыристым извилинам текут его странные мысли и какие идеи рождает мозг, если Славик умудрился сделать выводы по каким-то непостижимым критериям. И влёгкую забрался в постель к полузнакомой девушке. Принуждал её к близости.

Какой же потрясающей самоуверенностью обладал дяденька!

А куда же делась его патологическая робость? Колебания, осмотрительность, критический взгляд?

Нет, о таком слыхом не слыхал, видом не видал. Померещилась взаимность, значит – танком вперёд.

Время от времени душу точил противный червячок – вдруг Дима в сговоре со своим отцом и внезапная дружба с ней на самом деле – часть их коварного плана?

Тем временем лето перевалило за вторую половину июня, ночи ускорились, длительность светового дня приблизилась к своему пику.

Отлучиться куда-нибудь далеко Маша пока так и не отваживалась. Чуть расширила радиус прогулок, но всё равно их ограничивал периметр одного квартала. Ничего стоящего здесь не было.

В этот раз после отоваривания в ближнем продуктовом она зашла в подъезд одновременно с каким-то крайне подозрительным верзилкой.

С ним явно что-то было не так. На это, помимо его заторможенных, порой спотыкающихся движений, указывали безвольно опущенные уголки губ и вся апатично застывшая физиономия. Он будто спал на ходу.

Надо сказать, что погода испортилась, и после затяжной жары целое утро лил дождь и ощутимо похолодало. Но всё равно это не оправдывало не по сезону тёплое облачение незнакомца.

Судя по меховой оторочке воротника и объёмным очертаниям куртки, на нём была надета зимняя одежда.

В холле мужчина откинул сползший на лицо капюшон, выставив на обзор неопрятной длины щетину и растрёпанные, прилипшие к вискам волосы. Похоже, их давно не мыли.

Он с заметным напряжением повёл взглядом в сторону двери – блеснули запавшие, с красными прожилками глаза.

Такие бывают, когда человек злоупотребляет или долго не спит.

Маша брезгливо передёрнулась.

Неприглядный облик завершал раздутый рюкзак и чемодан на колёсиках, который бродяга поднял с небольшим усилием, из чего следовал вывод: внутри что-то тяжёлое.

В общем, весь вид настораживал.

Мария проводила странного человека пристальным взглядом и догадалась притвориться, будто замешкалась возле почтовых ящиков.

Пусть поднимается, оставаться с таким наедине небезопасно.

Выждав время, направилась на площадку с лифтами.

И обомлела: этот угрюмый тип ждал её внутри кабинки, подперев дверь ногой, чтобы та не закрылась раньше времени.

Девушка застопорилась, не отваживаясь двинуться ни вперёд, ни назад.

– Ну! Едешь? Нет? – поторопил бомж, глаза сердито сверкнули. Посторонился, освобождая проход.

Иначе как шоком она не могла объяснить свои дальнейшие действия: кивнув, на автомате шагнула в лифт. Но когда одна нога уже находилась внутри, в мозгу, наконец, сработал датчик «опасность», и Мария очнулась.

С нечленораздельным звуком отпрянула, замотала головой:

– Нет!

Губы бродяги шевельнулись, очевидно, он произнёс ругательство либо просто обозвал её душой. Зло скрипнул зубами и сердито ткнул кнопку нужного этажа. Створки клацнули, оставив Машу и незнакомца по разные стороны.

Огоньки на табло засветились, отмечая перемещения лифта.

Девушка поёжилась: что это было? Похоже, она чуть не влипла в какую-то жуткую историю. Счастье, что вовремя опомнилась.

Вдавила квадратик вызова, спустя секунду соседняя кабинка загромыхла, двери распахнулись – можно ехать.

На всякий случай Маша нашарила перцовый баллончик, переложила его в правый карман. Пусть находится под рукой. Мало ли...

Когда лифт достиг двенадцатого этажа, тревожно прокручивая спасительный цилиндр, повернула в коридор.

Сердце оборвалось – так и есть!

Тот ужасный тип стоял возле её квартиры и, наклонившись, ковырялся в замке.

Интуиция не обманула – Славик всё-таки выполнил угрозу и нанял какого-то отморозка.

Спазм перехватил связки, ноги вросли в пол. Вместо того чтобы бежать, она не могла сдвинуться с места.

Только рука, следуя заданному ранее импульсу, действовала отдельно от сознания. Сжала во вспотевшей ладони газовый баллончик и, как пистолет, вытянулась в направлении бандита.

Выражение на лице мерзавца из-за тусклого света различалось с трудом, но он что-то злобно булькнул, с поразительной скоростью отпрянул от двери. Молниеносным движением выбил спрей.

Флакон с металлическим звяканьем покатился по полу, так и не успев выполнить своё предназначение.

Глава 12. Гость

– Что творишь? Охренела? – рявкнул преступник. Пальцы сомкнулись на её запястье мёртвой хваткой.

В голове Маши с запозданием мелькнула мысль: «А ведь Димка предупреждал! Так и есть, только разозлила бандюгу. Надо было развернуться и бежать, пока лифт не уехал. Теперь мне кирдык».

Несмотря на заторможенность и измученную рожу, мерзавец словно стальными тисками удерживал её кисти. Его слабость оказалась обманчивой.

Как Мария ни бодалась и ни дёргала руками, вырваться не могла.

Однако ноги были свободны, ими она и работала. Яростно, от души, забыв обо всём, кроме желания выжить, понимая, что помощи ждать неоткуда. Их никто не услышит. Спасение возможно лишь собственными силами.

– Ты кто такая? Какого лешего напала? – зло прохрипел бандит, морщась от очередного меткого пинка.

– Я?! Напала?! – от нелепости вопроса и возмущения к девушке вернулся голос. Прошипела, приостановив борьбу: – Это вам что надо? Вы же взламываете замок!

– Взламываю? – удивился тот. – Зачем мне взламывать, просто открываю. Своим ключом.

– Откуда у вас ключ? Вячеслав дал?

– Нет, Жанна.

Маша ахнула: значит, ещё и Жанна участвует в заговоре!

– Ты кто такая, вообще-то? Новая сиделка? – отпуская её руки, более миролюбиво поинтересовался странный тип. Покосился на баллончик, пнул его подальше.

– Я... – замялась, не понимая, как обозначить свой статус.

Потёрла освобождённые запястья, смахнула упавшую на лоб прядь волос. Вроде бы отморозок прав, она действительно сиделка, но не совсем.

Начавшийся диалог смутил несуразностью: с чего это нанятый Славиком бандюга вдруг заговорил нормальным тоном? Ещё и неуместные вопросы задаёт? И её же обвиняет в нападении. Приплёл Жанну...

Что-то здесь не сходится.

Здрав подбородак, сердито обозрела противника. С небольшим недоумением отметила, что, несмотря на потрёпанность, у него довольно симпатичная физиономия. И взгляд глубокий, изучающий, которым обычно обладают люди с незаурядным интеллектом.

Бродяга с насмешливым интересом тоже рассматривал её раскрасневшееся лицо.

Хм... Похоже, мужик не тот, за кого она приняла.

– Да, сиделка, – определилась, наконец.

Незачем открывать всю информацию перед неизвестным, сначала надо выяснить, кто он такой и что собирался делать в квартире.

– Понятно, – неожиданно улыбнулся загадочный тип, дополнительно поразив её рядом красивых белых зубов.

У бомжа они должны бы по-другому выглядеть, да?

Одобрил:

– Боевая! А я живу здесь.

– Что?!

Он тем временем повернул ключ в замке и широко распахнул дверь:

– Заходи!

Заходи? Пф-ф... Ничего себе... Ничего не попутал? Приглашает в её же квартиру?

Что за бред? Ловушка? Заманит внутрь и нападёт?

Помотала головой и в полной растерянности застыла перед порогом.

Что теперь делать?

Как быть? Сбежать? Оставить беззащитную Серафиму с этой тёмной личностью?

Не дождавшись внятной реакции, мужчина зашёл первым. По-хозяйски закатил чемодан в угол, шмякнул на пол рюкзак, разулся. Откуда-то из тумбы для обуви вытащил тапки своего размера. Не глядя, привычным движением повесил курточку на крючок.

Оглянулся на переминающуюся Марию, недоумённо пожал плечами и прошёл вглубь.

Каждое движение было спокойным и уверенным, подтверждая: он действительно прекрасно ориентируется в квартире и знает, где что находится.

Маша хмыкнула. Всё окончательно запуталось. Присела на корточки, нашарила в углу тамбура опозоренный перцовый баллончик. Влажной салфеткой стёрла с него пыль и затолкала в сумку.

Не проходя в прихожую, достала телефон, выбрала контакт Жанна. На её удачу та откликнулась после первого гудка:

– Жанна, добрый день! Сейчас какой-то человек с рюкзаком зашёл в квартиру. Говорит, что живёт здесь, – захлёбываясь эмоциями, выпалила Маша.

– А-а... – после короткой паузы недовольно пробасила женщина. – Марк приехал.

– Марк?

– Мой брат. Дай ему трубку.

Пф-ф... Брат Жанны живёт в квартире Серафимы? Вот новости... Вообще ничего не понятно. Подстава какая-то.

Жила-была целый месяц, ни о ком не ведала – и вот, здравствуйте. Нарисовался.

Откуда он? Из каких мест прикатил? Из э-э... отдалённых?

Гостя Маша обнаружила в маленькой комнате, он уже успел переодеться в спортивные брюки с футболкой и деловито вынимал вещи из распакованного рюкзака.

– Вы Марк?

– Ага, – оглянувшись, подтвердил.

– Вот, – протянула телефон, – поговорите с Жанной.

Марк

Глава 13. Марк

– Привет! – мужчина взял трубку. – Да, сегодня прилетел. Что? В сообщении предупредила? Обо всём написала? О чём именно? У меня этот телефон там всегда отключён. Нет смысла что-то писать, всё равно не прочитаю. Не понял... Мне надо было предупредить тебя о приезде? Зачем? Там связь через раз работает. Я никогда не сообщал, что еду, и сейчас не планировал. Позвонил бы вечером, и всё. Приехал и приехал, что в этом нового?

Закрыв рот. Жанна продолжала вещать.

– Нет. Говорю же, не видел твоих сообщений. Куда-куда, говоришь, мне ехать? – нахмурился гость. – Нет, туда не вернусь. Ничего не изменилось и не изменится. Вопрос закрыт. Ты в курсе. Какие ещё обстоятельства изменились? У кого? О-о... Ясно...

Надолго замолчал, слушая собеседницу, и всё больше мрачнел.

Несмотря, что он выглядел довольно крепким и мускулистым, как-то грузно и обессиленно опустился на стул.

Глаза мужчины изучающе скользили по Маше и, по мере разговора, с каждой минутой становились грустнее.

Наконец, бросив угрюмый взгляд на открытый рюкзак, устало процедил:

– Хорошо, понял. Освобожу. Но тогда давай что-то решать с той квартирой.

Жанна ответила, слов было не разобрать, но в её громком голосе невероятным образом перемешались возмущение и какая-то скулящая мольба.

Марк с расстроенным видом слушал эмоциональный монолог, морщился, нехотя соглашался.

Закончив беседу, повесил голову и какое-то время понуро смотрел на потухающий экран мобильного. Потом повернулся к Маше.

– Значит, здесь теперь живёшь ты, – мужчина тяжело вздохнул.

Запустил пятерню в волосы, помассировал затылок, бросил кислый взгляд в начинающиеся сумерки за окном.

– Позволишь остаться до утра? Я завтра найду гостиницу и съеду. Сейчас сил нет. Честно. Четыре дня в пути. С севера приехал, на вахте отпахал полтора месяца. Еле добрался в этот раз. Дорога сплошняком проблемная была. Попал в аварию. Потом небо закрыли. В аэропорту то сидя, то стоя дремал. Мне бы только несколько часов поспать в лежачем положении, чтобы спина отдохнула.

– Конечно-конечно, – всполошилась она. – Отдыхайте. Можете не торопиться, живите сколько угодно, здесь полно места. Вы бы видели, в какой тесноте я дома жила. Если сравнивать, то эта квартира – хоромы.

Мужчина усмехнулся:

– Спасибо. Не переживай, стеснять не буду. Завтра всё решу.

Маша предпочла не спорить. Ну правда, кто она такая, чтобы лезть с советами к незнакомому взрослому человеку? Ему виднее.

Исподтишка осторожно наблюдала за гостем.

Он заметно расстроился. Глянул на распакованные вещи, горько хмыкнул, иронизируя над собственными планами. Сгрёб всё одним движением и бесформенной кучей бросил поверх рюкзака.

Потом вышел на лоджию, прикрыл дверь и, оперевшись об ограждение, чиркнул зажигалкой. Потянуло сигаретным дымом.

Маша сочувственно вздохнула. Ей до щемления в сердце стало жаль неприкаянного путника. Сама недавно находилась в подобном состоянии ненужности.

Ещё бы ему не переживать – после мучительной дороги наконец-то добрался домой. Наверное, радовался, думал, все трудности позади.

Мечтал об элементарном: завалиться в постель, расслабиться и забыть обо всех проблемах.

А по факту: мало того что на пороге квартиры на него напала непонятная девица с газовым баллончиком, так ещё и оказалось, что и дома-то у него нет. И вместо желанного отдыха предстоит заняться поисками пристанища.

Захотелось поднять настроение скитальцу, сделать что-то приятное.

– Вы, наверное, проголодались с дороги? У меня есть суп, котлеты. Разогреть? – предложила, как только Марк вернулся в комнату.

– Не откажусь от домашнего супчика, – мужчина слегка прищурился, пробежал внимательным взглядом по её лицу. – А ещё я бы в душ сходил, если не возражаешь.

– Не возражаю, – максимально приветливо улыбнулась Маша. – Делайте, что считаете нужным. Мы с вами на равных. Я здесь не хозяйка.

Пока гость мылся, она разогрела суп. В духовке подсушила гренки со сливочным маслом, выдавила в них чеснок. Поразмыслив, котлеты на всякий случай тоже выложила на тарелку.

Сейчас Маша ощущала неловкость из-за своей первоначальной реакции и, в то же время, будоражила тайная радость – дома в кои-то веки появился нормальный живой человек.

И вёл себя адекватно.

Несмотря на их совершенно дурацкую стычку, остался доброжелательным и вежливым.

Главное – оказался не грабителем и не сообщником Василькова старшего, а от одного этого эмоции играли.

Глава 14. Знакомство

Квартира, вторя приподнятому настроению, будто очнулась после длительной спячки и ожила, до предела наполняясь бытовыми звуками, движением, запахами, от которых Маша успела отвыкнуть.

Вернее, такая жизнеутверждающая какофония никогда не ассоциировалась у неё с этим местом.

Обычно здесь осязаемо фонило напряжением, скорбью и страхом. Постоянно. Как в палате для тяжелобольных.

А с приходом Марка пространство между серыми стенами разом изменилось на абсолютно другую атмосферу. Ощущение тревоги отступило, вытесненное какой-то здоровой лёгкостью и обыденной стабильностью.

И человеческим теплом, как в родном доме.

Как же здорово, когда ты не одна на изолированных от мира метрах!

Божечки, а как Марк наворачивал суп и хрустел сухариками! Следом отправились котлеты. Просто песня!

Он ел и, нещадно преувеличивая, расхваливал Машину стряпню.

Маша старалась выглядеть не очень довольной. Но всё равно цвела, хотя понимала: мужчина льстит и чуть-чуть притворяется, не такая уж она и искусная повариха.

Тем не менее было безумно приятно: а как же – человек от всего сердца старается её порадовать!

Чудеса, но буквально с каждой минутой он нравился ей всё больше. А через полчаса уже просто недоумевала, куда смотрела: абсурд — какой же из Марка бомж или бандит? Почему он сначала показался таким отталкивающим?

Рослый, пропорционального сложения, с правильными чертами лица. Далеко не ровесник, по возрасту ближе к её родителям, что, несомненно, прибавляло доверия — это не какой-то безалаберный пацан вроде Димы.

Взгляд — ироничный, умный, но бесконечно усталый и откровенно грустный. Так, что сердце ответно сжималось.

Отросшая щетина уже не казалась неряшливой, наоборот, придавала особую брутальность и немного романтичности.

Кстати, вполне нормальная небритость, если учитывать: человек четыре дня находился в дороге.

Общих черт с Жанной, как Маша ни присматривалась, так и не смогла найти.

Он – брюнет, а та казалась блондинкой.

У него тёмно-карие глаза, у той серо-голубые, навывкате.

Да и выглядел Марк значительно моложе сестры. Если Васильковой было лет пятьдесят, то ему максимум – сорок, а то и меньше.

Может быть, они двоюродные?

Мужчина заметил, что девушка залипла на его лице, и улыбнулся.

Ух... Ненормальный толчок в груди и всплеск восторга.

Улыбка у него была такой искренней и сногшибательной, что сбивался пульс, а уголки губ в ответ неосознанно ползли вверх.

Маша поймала себя на ненормальном желании сделать что-нибудь озорное, дабы это волшебное движение мышц повторилось.

Чуть порозовев, отвела взгляд и одёрнула себя – совсем уж одичала! Настолько истосковалась по людям, что от взрослого дядьки, ровесника мамы, не отрывает глаз.

Вот что он может подумать? Сделает такие же выводы, как Славик.

– Мы не похожи с Жанной? – Марк угадал её мысли.

– Ни капельки, – отозвалась максимально доброжелательно.

– У нас разные матери, – пояснил он.

– Вот в чём дело, понятно... У меня с братьями тоже разные отцы, но мы немного похожи. Очень хотелось разговорить гостя.

Однако он только вежливо кивнул. После еды его глаза совсем осоловели, мужчина еле сдерживал зевки и после очередного виновато заявил:

– Спасибо, Машенька, за вкусный ужин. Пойду, прилягу. Извини, устал как собака. С ног валюсь.

– Да-да, конечно! – Зачем-то решила предупредить: – Не пугайтесь, если Серафима Андреевна расшумится...

Чем вызвала смехок:

– Не переживай, меня этим не испугать. Я же сидел с ней, когда приезжал с вахты.

– Вы? – поразилась Маша.

– Не один, конечно. Сиделка приходила, Жанна приезжала. Иногда соседка помогает. Наверное, видела её – дама с розовыми волосами. Обычно женщины моют Серафиму, переодевают, меняют памперсы. Но основное время и по ночам я присматриваю. Ещё с осени. Так что дело привычное. Можешь сегодня устроить себе выходной. Отсыпайся до утра. Я займусь бабулей, если потребуется.

– Не-не, спасибо. Отдыхайте. Я уже привыкла, справлюсь.

Марк скользнул задумчивым взглядом по кухне, будто хотел обсудить какой-то вопрос, но в итоге пожелал спокойной ночи и скрылся в комнате.

Солнечные лучи чуть-чуть не доставали до дивана. Взад-вперёд качались на шторах, тёплой полоской растянулись по подоконнику, игрой теней трепетали на шкафчиках. В белёсом потоке кружили десятки пылинок, делая его объёмным и осязаемым. Казалось, можно взмахнуть рукой и повернуть столб света в нужную сторону.

Утро. Доброе...

Состояние умиротворения и лёгкости. В груди – полузабытое ощущение праздника. Маша щурилась, зевала, потягиваясь в постели.

Так хорошо сегодня! Тишина, воздух свежий, светло...

Стоп! Как это – светло и тишина? Который час? Уже девять? И Серафима спит? Мало того, за ночь ни разу не проснулась?

Маша резко повернулась на другой бок, и взгляд упёрся в наглухо закрытую кухонную дверь.

Кто её закрыл? Зачем?

Глава 15. Утро

Быстрее звука спрыгнула с дивана и босиком рванула в комнату. За те пять шагов, что разделяли кухню и зал, в голове мелькнули десятки вариантов.

Всё опережала пронзающая мысль: «Ну какая же я дура! Поверила незнакомому мужику. Всё-таки он в заговоре с Васильковым и уже что-то сотворил с беспомощной старушкой».

Подлетев к кровати на трясущихся ногах, притормозила так резко, что занyli пятки.

И замерла в изумлении, недоверчиво глядя перед собой: Серафима, мирно посапывая, сладко спала на идеально ровном, без единой морщинки и складочки, постельном белье.

Вся какая-то миленькая, светлая, с проступившим румянцем, даже губы порозовели.

Края одеяла были заботливо подоткнуты, подушка взбита.

На тумбочке стояла полупустая бутылка с водой, сок и баночка с недоеденным йогуртом.

Идиллическая картинка! На Машином лице от облегчения расплылась такая безудержная улыбка, что в уголках глаз выступили слёзы.

Двери в обе комнаты – маленькую, которую занял гость, и большую, где находилась больная, были распахнуты настежь. Видимо, брат Жанны специально сделал так, чтобы слышать, когда бабуля заворачивается.

Он тоже спал.

Одной рукой обнял подушку, вторую безмятежно закинул за голову. Лицо было повернуто к стене, оставляя на обзор чёткую линию скул и шею. Грудь не было видно, но плечи Марка мерно поднимались и опускались, подтверждая: он крепко спит.

Уголок сбившегося одеяла обнажал длинные, сильные ноги и деликатно прикрывал то, что находилось чуть выше.

А Мария, как споткнулась на пороге комнаты, так и, не замечая этого, застыла, не отводя замороженных глаз от полуголого мужчины.

Гибкая, мускулистая фигура притягивала взгляд и против воли вынуждала задержаться ещё на минуту...

Другую...

Словно почувствовав поток пристального интереса, Марк пошевелился, сонно втянул воздух.

Щёки мгновенно обдало жаром, а внутри всё похолодело, как только Маша осознала: если мужчина внезапно разомкнёт веки, будет очень стыдно.

За секунду до того, как гость повернулся и обнаружил её за подглядыванием, девушку сдуло с места – резвым сайгаком усакала на кухню и, ничего не видя, вперилась в окно.

Уф... Успела. Прижала ладони к полыхающему лицу.

И что это с ней? Никогда не занималась ничем подобным и вот... Подсматривает. Будто морок какой-то.

Ничего себе, оказывается, она такая же, как Славик! Позор!

Сзади было тихо. Значит, Марк ничего не заметил и продолжал спать.

Можно выдохнуть, повезло.

Похихикала над собственным пикантным ротодейством и задумалась: наверняка он и правда скоро поднимется.

Невтерпёж хотелось отблагодарить его за помощь с Серафимой, заодно проявить свою симпатию.

Поразмыслив, решила: самое лучшее в этом случае – приготовить завтрак.

Вовсе не потому, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

Ещё чего! Брат Жанны ни капельки неинтересен ей в этом плане.

Хотя... Будь он лет на пятнадцать моложе. Вполне даже... Хм...

Маша усмехнулась, иронизируя над собой.

И, определившись, уверенно кивнула своим мыслям: да! Выразить признательность таким незатейливым способом – едой – вполне уместно.

Вне всякого сомнения, Марк оценит заботу, и её внимание ему будет приятно.

А кроме того, собственноручно приготовленный вкусный и сытный завтрак создаст какое-то подобие домашней атмосферы, которой здесь давно не хватает.

Нырнула в холодильник, задумчиво перебрала кастрюльки, банки, контейнеры – всё не то.

Наконец радостно щёлкнула пальцами: блинчики!

Они у неё получаются на пять с плюсом, дома всегда расхваливали Машину стряпню и просили добавку.

Главное, чтобы здесь нашлась подходящая сковорода.

А такая быстро отыскалась – тяжёлая, чугунная, похоже, купленная ещё в советские годы. Правда, без ручки, но это ерунда.

Довольная тем, что всё складывается удачно, принялась за дело.

Просеяла муку для придания воздушности тесту, смешала ингредиенты, включила газ.

Дождалась лёгкого шипения масла на сковороде, залила первый блин. Спустя полминуты на его поверхности появились мелкие пузырьки, и, как только края стали золотистыми – перевернула.

М-мм...

Тёплый аромат заполнил кухню и растёкся по квартире.

К тому времени, когда Марк поднялся, на столе красовалась аппетитная стопка румяных, ажурных блинчиков.

Округлившиеся глаза и искренняя радость гостя говорили сами за себя – идея с завтраком оказалась суперзамечательной.

Марк ещё вчера проявил себя самым благодарным и невзыскательным едоком. Такого потчевать – сплошное удовольствие.

Он, в свою очередь, тоже пичкал Машу деликатесами с севера: копчёной олениной, рыбой, запоярными ягодами.

Вот, оказывается, из-за какого содержимого его чемодан был настолько увесистым.

Кажется, такого приподнятого настроения Мария не испытывала со дня приезда в Москву.

Сегодня можно было без конца говорить и говорить. Всласть смеяться, слушать, отвечать, задавать вопросы. Рот не закрывался ни на минуту. А то в последние дни она уже начала чувствовать себя немой.

Гостю, судя по сияющим глазам, тоже было легко с ней и интересно.

Они заметили, что пролетело полтора часа, лишь когда Серафима громким стуком по кровати напомнила о себе.

– Ой! – Маша сорвалась с места.

Марк перегородил дорогу:

– Сиди, я подойду к ней. Тебе же, наверное, работать надо?

– Да, но...

– Давай без «но». Пока я здесь, немного разгрузу тебя. Накормлю ещё разочек нашу бабулю. А потом уже займусь поиском гостиницы. Думаю, к вечеру смогу переехать. И Серафима снова будет полностью в твоей власти.

Маша огорчённо сглотнула, глаза потускнели.

Глава 16. Убедила

Спустя два часа гость оповестил:

– Спасибо за гостеприимство, Машенька. Я был о-очень рад познакомиться с тобой, – хохотнул, вероятно, вспомнив, как всё началось.

Мария смущённо поморщилась. Рад он, как же.

Вчера чуть не распылила ему баллончик прямо в лицо. Спасло только, что у Марка хорошая реакция. Не дал нажать на кнопку, иначе бы сейчас не так «радовался». А буквально до слёз.

– Я забронировал номер. Остановлюсь тут, неподалёку. Привык уже к этому району. Кстати, давай-ка с тобой обменяемся телефонами на всякий случай. Если что-то понадобится или будет нужна помощь, то не раздумывай, не стесняйся, обращай в любое время суток. С радостью помогу тебе.

– Всё-таки собираетесь в гостиницу? – Маша отвернулась к окну, чтобы скрыть эмоции. Прикусила губы, которые задрожали от огорчения, и часто заморгала.

– Да, – зевнув и от души потянувшись, беззаботно подтвердил он. – Пока там поживу, потом, наверное, на съёмную квартиру перееду. Подобрал несколько вариантов, сначала надо будет посмотреть их.

Взглянув на часы, наполнил чайник, поставил его на газ. Предложил:

– Перекусим немного, да я пойду. Хорошо?

– А почему здесь не хотите остаться? – пискнула Маша.

– Где здесь?

– Ну тут, – она сделала обширный жест, обводя рукой помещение.

– Но тут ты живёшь, – удивился Марк. – И так из-за меня ночевала на кухне.

– Нет! Не из-за вас, – негодуя встrepенулась.

В её и без того сдавленном голосе проявилась какая-то непонятная вибрация. Такая случается, когда человек обижен или готов заплакать. Упавшим тоном пояснила:

– Я с самого начала сплю на кухне. Мне так удобнее. Она просторная. А в спальню почти не захожу, всё время закрытой стоит.

– Ты серьёзно говоришь – не против, если я займу ту комнату? – неверяще уточнил гость.

– Нисколько не против, – для убедительности помотала головой. – Мне даже лучше будет, не так страшно...

– Не страшно? – озадаченно повторил. – Ты кого-то боишься?

Маша замялась:

– В том плане, что я никогда не жила одна. Я родилась в малосемейном общежитии. Всё время рядом кто-то находился: мама, папа, братья. Если их нет, то соседей полно. День и ночь среди людей, а тут...

– Хм... Но теперь ты хозяйка этой квартиры.

– Не я! Серафима Андреевна.

– Жанна сказала, что бабушка переоформила её на тебя.

– Нет. Просто завешание на моё имя написала.

– Так-так-так... Завешание? Это уже интересно, – прищурился Марк. – А документы ты видела?

– Нет, – запнулась она. Задумалась, вспоминая, как всё происходило: – Жанна позвонила маме, сказала, что всё записано на Марию Сергеевну Самсонову – это я. Поэтому Мария обязана приехать в Москву и ухаживать за Серафимой Андреевной.

– Даже так... Ловко, – хмыкнул гость.

Приподняв брови, энергично потёр лоб. Покурсивал из угла в угол. Заложив ладони в карманы брюк, остановился напротив Маши.

– А теперь извини: задам более шкурные вопросы. Как я понимаю, Жанна тебе не платит?

– Нет. А за что мне платить? – испугалась Мария.

– За работу сиделкой.

– Ну что вы! – возмутилась. – Я же здесь живу.

Он усмехнулся.

– Ещё один вопрос: пенсию Серафимы она тебе отдаёт?

– Пенсию? Зачем? Я же работаю, способна сама всё купить.

Губы мужчины дёрнулись. Похоже, он беззвучно выругался. С увеличившимся раздражением продолжил допрос:

– А твои родители что об этом думают?

Маша хлопнула глазами:

– Ничего. Мы с ними на эту тему никогда не разговаривали. Но, мне кажется, мама, как и я, считает, что это правильно.

Марк с досадой цокнул языком, закатил глаза. Его скулы напряглись, будто внутри него на последнем пределе играли нервы. Казалось, он вот-вот взорвётся от злости и с трудом сдерживает эмоции. Тяжело вздохнув, жалостливо уставился на девушку.

Отчеканил:

– Решено. Я остаюсь. Если тебя это не стесняет, займу спальню. Потом видно будет. Спасибо, что пригласила.

Она, не сдержав радостный писк, победно ударила кулачками друг о друга и просияла: останется! Ура!

Сконфузилась, видя, как в ответ на её совершенно детскую реакцию мужчина удивлённо расширил глаза.

Спустя мгновение его рука сама собой коснулась Машиной головы, ласково пробежала по волосам и хлопнула по плечу – взрослые часто так поступают, стремясь приободрить и утешить ребёнка.

Улыбнувшись, он мягко предложил:

– Раз уж я буду жить здесь, переходи на «ты», будет легче общаться. Договорились?

– Хорошо, – ой, от счастья Маша была готова на любые условия.

– И у меня предложение: за Серафимой ухаживаем по очереди, – деловито продолжил Марк. – Сегодня – мой день, завтра – твой. Но твоя смена начинается, только когда закачивается основная работа. До этого времени ею занимаюсь я. А! Чуть не забыл, – он хитро сморщился. – Ещё момент – памперсы меняй ты. Согласна?

– Не знаю... – неуверенно протянула. – Неудобно как-то. Лучше бы я полностью за ней ухаживала. Мужчины обычно избегают таких дел, – испуганно взглянула на строго сдвинувшего брови Марка. Быстро поправилась: – Но если вы настаиваете...

– Настаиваю, да, – рассмеялся. – Привык, чтобы мои распоряжения выполнялись.

– У-у... На работе, наверное, командуете? – тоже улыбнулась немного заискивающе. А то и правда, не дай бог, передумает из-за её несговорчивости и съедет с квартиры. – У вас есть подчинённые?

– Правильно мыслишь. Есть.

– А кем вы работаете?

– Невелика должность, – доброжелательно откликнулся Марк. – Начальник смены технологической службы.

Глава 17. Доброжелатель

Маше хотелось бы поговорить ещё – это же такое счастье – общаться вживую! Но Марк уже развернулся к выходу.

– Ладно, Машенька, не буду отвлекать, трудись. Раз я здесь остаюсь, надо чемодан распаковать, вещи разложу. Кстати, – он притормозил, озарённый идеей: – Ты можешь сегодня сходить куда-нибудь. С подружками погуляй или со своим парнем. Нашла уже себе друзей?

– Нет! – забыв о желании казаться покладистой, слишком резко возразила она. В глазах засверкало возмущение. – С кем я могу здесь познакомиться, и как? Не на улице же... Я только за продуктами выхожу.

– Ты серьёзно? – изумился мужчина. – У тебя совсем нет друзей в Москве? Удивительно...

Эта новость поразила его не меньше, чем все предыдущие.

Он выпустил ручку двери и снова воззрился на Машу с таким недоумением, словно перед ним была загадка, которую он никак не мог объяснить.

Следующий вопрос задал заметно осторожничая. Видимо, девушка настолько озадачила, что Марк решил: с ней надо общаться с особой бережливостью, иначе можно навредить.

– А раньше были друзья?

– Ха! Естественно, дома их – вагон и маленькая тележка, – фыркнув, гордо ответила она.

– Значит, и здесь появятся, – обронил с облегчением. Задумался. – Ты же недавно тут живёшь, около полутора месяцев. Правильно? Да, пожалуй, когда дома сидишь, найти подругу проблема. Хотя... Ты же работаешь. У вас же есть какой-то служебный чат? Наверняка в нём присутствуют москвичи. Скорее всего, они время от времени встречаются. Разве нет?

– Вообще-то, да... – Маша посветлевшим взглядом скользнула по ноутбуку. – В чате есть московские девчонки и пара ребят. Они звали меня как-то присоединиться, но я отказалась. Не знала тогда, что можно сиделку пригласить, – пробормотала смущённо.

С досадой прикусила язык: это же надо умудриться кругом выставить себя беспросветной дурой!

– Во-о-от! – щёлкнув пальцами, оптимистично протянул Марк. – Соглашайся. Так и друзей найдёшь.

Он продолжал разговаривать с ней каким-то мягким, терпеливым тоном. Немного жалостливо, будто с больной.

Маша вздохнула. Похоже, в глазах Марка, как и Димки, она выглядит, если уж не блаженной, то не от мира сего.

Но это неправильно! Когда надо, она способна постоять за себя.

Просто в случае с Серафимой не понимала, как действовать, и никто не подсказал. Объявили, что обязана присматривать за лежащей больной – этим и занималась. Добросовестно, честно, соблюдая все пункты. Не подозревала, что можно волюнтерить.

Сама виновата, оплошала немного. Надо было с первого дня делиться проблемами с родителями, но предпочла обидеться, и гордыня выиграла: разберусь во всём сама.

Никто её не забывал. Мама регулярно звонила, интересовалась жизнью, только не вникала во все детали московского бытия.

Родительница больше всего волновалась, не гнобит ли дочку грозная Жанна? Каждый раз допытывалась, чем Маша питается, не болеет ли, справляется ли со своими обязанностями.

Про то, выходит ли она на свежий воздух, тоже спрашивала, но как-то вскользь.

А Маша выходила! Пусть только до магазина. Никому в голову не пришло уточнить длительность и подробности прогулок. Не подозревали, что она безвылазно находится с больной.

Спасибо, что Димка втолковал, насколько она глупит, и подсказал способы выхода из круглосуточной тюрьмы.

Будто прочитав мысли, Марк любопытствовал:

– А с Димой Васильковым у тебя какие отношения? Вы контактируете?

– Да, – Маша немного обрадовалась: теперь Марк убедится, что не такая уж она нелюдимка, а вполне нормально общается со сверстниками. – Мы прекрасно ладим. Он недавно приходил. Переночевал здесь.

– Даже переночевал? – гость хмыкнул, покачал головой. Задумчиво протянул:

– Понятно...

Кажется, его глаза потемнели, и носогубные складки стали более выраженными, будто этот факт ему не понравился.

Вроде бы хотел уточнить что-то, но промолчал. Осталось мимолётное впечатление: он слегка разочарован.

После затянувшейся паузы продолжил свою мысль:

– Дмитрию двадцать пять, значит, и друзья у него такого же возраста. Вот, пожалуйста, ещё один пласт для знакомств. Только, – он откровенно нахмурился, снова посмотрел на Машу, но уже обеспокоенно, – всё же советую не относиться к моему племяннику серьёзно. Ещё тот шалопай, вечный студент. В голове ветер, в попе – дым. Мамочка только и успевает его проблемы разгребать. Хотя, – Марк усмехнулся, задумчиво потёр подбородок, – возможно, это я к нему предвзято отношусь. В общем-то, он неплохой. Короче, не вмешиваюсь в ваши дела. Смотри сама. Сейчас молодёжь живёт по другим правилам.

– Не-е... Мы просто... – Маша беззаботно махнула рукой, но договорить не успела.

Серафима оглушающе загромыкала кроватью, что-то крикнула. Проснулась.

Марк поднял ладонь в жесте «стоп». Подмигнул, кивнув на ноутбук:

– Трудись, – и скрылся в комнате.

Несмотря ни на что, в душе всё увеличивалось ощущение праздника.

Оказывается, Маша настолько устала молчать за этот месяц, что была счастлива просто разминать голосовые связки. Произносить фразы, получать реакцию, улыбаться, слушать осмысленную речь, видеть разумную мимику живого человека.

Вернулось то особенное чувство лёгкости, сходное с детской беспечностью, когда между тобой и суровым миром существует защитная прослойка.

Эту функцию обычно выполняют родители, а сейчас такое ощущение создал Марк.

Чуть-чуть, конечно, самую малость. Не сравнить с мамой и папой. Но всё же...

Маше безумно нужна была передышка от внезапно свалившейся взрослости и тем более ответственности! Пусть крошечный, тем не менее отдых.

Глава 18. Подслушала

Сегодня ей не работалось и не сиделось. Происходящее за спиной было значительно интереснее монитора.

Всякий раз, как только Маше удавалось полностью уйти в отчёты, таблицы, графики, цифры, так слух, будто назло, улавливал какое-нибудь движение или шорох, совершенно нетипичный для этих стен.

Она даже пугалась в первые секунды, пока не вспоминала о новом жилье. И внутри сразу растекалось тепло. Голова сама собой поворачивалась, пытаясь отследить перемещения Марка и угадать, чем он занят.

Даже Серафима вела себя иначе.

Мужской голос – спокойный, терпеливый, но уверенный, с выраженными властными нотками, не допускающий тени сомнения, что его могут послушаться, действовал на неё гипнотически.

Старушка улавливала не смысл слов, а интонацию. И где-то в глубинах угасающего мозга срабатывал сигнал: «Начальство рядом, притихнуть! Не привлекать внимание».

Правда, надолго её не хватало, вскоре она начинала бузить, но стоило Марку вмешаться, она вновь успокаивалась.

В какой-то момент донеслась выбивающаяся из его доброжелательного тона сердитая, даже злая интонация. Голос звучал приглушённо, как будто мужчина говорил в плотно закрытой комнате, стараясь, чтобы его не услышали.

Естественно, Маша тут же отложила мышку и наострила уши.

«Пф-ф... Что это он? Ругает Серафиму? Да ладно...»

Озадаченно поднялась из-за компьютерного стола, на цыпочках приблизилась к кухонной двери, которую Марк заботливо притворил, дабы посторонние звуки не отвлекали интернет-труженицу от работы.

Аккуратно повернула ручку, высунулась в коридор.

Нет, похоже, он разговаривал не с бабулей, а по телефону. Звуки, громкость которых то эмоционально повышалась, то понижалась, доносились из спальни. Чувствовалось, Марк кипит.

— Ты не охренела, дорогая Жанна? Даже если пенсия перечисляется на книжку, то Серафима оформила на тебя доверенность. Специально, чтобы ты могла снимать деньги со счёта. И они предназначены не тебе. Всю сумму ты обязана отдавать на содержание Серафимы. Понимаешь, что сейчас внаглую присваиваешь чужое? По сути, переложила разруливать все вопросы, в том числе и финансовые, на постороннюю девчонку. Нашла бесплатную сиделку. Тогда оплачивай её работу. Не спорь! Не хуже меня знаешь, что не права. Не заставляй привлекать внимание социальных служб к тому, что, пользуясь беспомощностью Серафимы, оставила пожилого человека без средств к существованию.

Спустя паузу, взорвался:

– Что? Я и Маша? Ты совсем долбанулась? Какой у меня может быть к ней интерес, она в два раза моложе! Ребёнок совсем.

Снова тишина. И окрик:

– Жанна, стоп. Не пытайся съехать с темы. Да, буду защищать. Похоже, больше некому. Она совсем домашняя девочка. Наивная, жизни не видела, прав своих не знает. Стесняется возразить такой акуле, как ты. И родители у неё, похоже, такие же неконфликтные.

Замолчал, по-видимому, выслушивая очередные возражения сестры. Серdito рыкнул:

– Не надо заливать, будто Маша когда-нибудь наследует квартиру. Даже если это и так, то никаким боком к сегодняшнему дню не относится. И не даёт право эксплуатировать её. А раз уж ты вспомнила про наследство, то давай-ка лучше урегулируем вопрос с той квартирой, которую наш отец оставил мне. Я больше не намерен мотаться по чужим углам и гостиницам, когда имею собственное жильё. Предупреди квартирантов, пусть съезжают. Дальше продлевать договор не буду.

После паузы возмущение в голосе достигло апогея:

– Чего-чего? Куда советуешь мне поехать? К Эмме? Сойтись с ней обратно или разделить совместно нажитое? Во-первых, даже если мы так сделаем, то тебе от этого какая выгода? В любом случае я намерен жить в своей московской квартире. Во-вторых, с Эммой тема закрыта, я не собираюсь обсуждать этот вопрос. Жанна, мне повторить? Не лезь в мою жизнь. Не пытайся указывать. Я грубый? С тобой нельзя миндальничать. Жалею, что изначально поддался на твои уговоры. Ты человечность принимаешь за слабость. Разогналась, вошла во вкус. Привыкла к постоянной безнаказанности. В общем, предлагаю не ссориться со мной. Достаточно борзеть, веди себя разумно, – подытожил уже ровным голосом, но с такой силой, что стало понятно – спорить бессмысленно.

Последние слова донеслись отчётливо, мужчина приблизился к выходу из комнаты и открыл её.

Маша ахнула, мгновенно отцепилась от двери и скользнула на место. Пошевелила мышкой, будя монитор, создавая видимость, что не поднималась. Вдруг Марк зайдёт на кухню, тогда по спящему экрану догадается, что она подслушивала.

По удалившимся шагам поняла – он направился к Серафиме.

Выдохнула.

Зашла в рабочий чат, полистала переписку и, прикусив губу, задумалась: может, и правда, стоит познакомиться с коллегами?

Марк не ошибся – сотрудники действительно любили встречаться. И делали это довольно часто. Потом делились фотографиями, видео. Юморили, обсуждали совместные вылазки несколько дней, договаривались о новых.

После услышанного особо остро почувствовалась несправедливость: все вокруг живут, общаются, выбирают на природу, радуются лету, солнцу. Лишь одна она добровольно закрылась в четырёх стенах. Зачем?

Накопившиеся за дни заточения энергия вкупе со злостью на себя вдруг сдетонировали, вызывая непреодолимую жажду к действию.

Маша отыскивала в чате знакомое имя, перешла в личные сообщения и решительно застучала по клавиатуре.

Глава 19. Подруги

Пока Маша вдохновлённо клала по клавишам ноутбука, желания вслушиваться к отвлекающим звукам не возникло.

Однако те против воли фоном проникали в сознание и оседали где-то в его глубинных хранилищах, допуская возможность осмыслить их позже.

Часы показывали начало пятого, когда она закончила служебные дела. Расслабленно откинувшись на спинку компьютерного стула, слегка помассировала шею и, заложив руки за голову, крутанулась к окну.

Насыщенная лазурь неба без единого облачка слепила взгляд, подтверждая – для прогулки выбран идеальный день.

В её непродолжительный релакс вторгся непривычно воркующий тембр: Марк снова с кем-то общался по телефону.

И уж точно не с Жанной. С той он беседовал совсем по-другому: сухо, строго, без малейшей примеси сантиментов. И вряд ли это был звонок мужчине.

Таким ласковым голосом обычно разговаривают со слабым, зависимым от его настроения существом: любимой женщиной, ребёнком.

В районе груди неприятно загло.

Маша поднялась, в очередной раз подкралась к выходу из кухни. Прислушалась. Благо дверь оставалась распахнутой.

Поморщилась: ничего не понятно! Кажется, он дважды произнёс «Натусь»... Наташа, что ли?

Раздражённо пытаясь, вернулась на место: «Эмма, Натуся... Не многовато ли? Впрочем, – поставила звонкий щелбан компьютерной мышке, – какая мне разница? Это его жизнь».

Как только Марк появился на кухне, оторвалась от монитора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.